

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2, ЛИЧНЫЕ СТРАНИЦЫ
ЧЛЕНОВ СОЮЗА СЛАВЯНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

OLGERDZHEMAITIS@YANDEX.RU

ЖЕМАЙТИС О.Ф.

ХРИПУНОВЫ и ГОРДЕЕВЫ
(История семьи в документах)

Кто-то хорошо сказал, что любому человеку в жизни должно повезти трижды: от кого родиться, у кого учиться и на ком жениться. Поэтому считая, что у меня по всем пунктам этого анкетирования всё в порядке, то я на основе семейных преданий и собранных по разным архивам и музеям документам думаю, что имею право на свою каплю мёда в историю нашей великой России, насыщенной разного рода войнами и внутренними вооружёнными разборками. В которых вольно или невольно участвовали мои горячо любимые родители и их родственники в условиях кровавого насилия и жестокого подавления инакомыслия в тоталитарной под завязку системе и преследования по классовому признаку.

Не минула сия чаша и меня как профессионального военного и скромного участника событий в Чехословакии в 1968-72 годах и в Афганской войне в 1986 году, хотя уже с более гуманным отношением к людям, но под руководством всё той же ведущей и направляющей роли КПСС с уклоном на гегемонию в мире.

Начну здесь со своей мамы и её русских родственников, которым на том свете от всей души желаю покоя Царства небесного с ощущением моих искренней любви и уважения, проявившихся в описании их жизни и деятельности в нескольких моих опубликованных и не увидевших пока свет исторических изысканиях. Тем самым сделав всё возможное, чтобы добавить их имена к именам других россиян, воевавших на стороне красных и белых, в странички Памяти прошлого нашей великой России. Ибо «примирённые смертью взывают к миру!». Теперь все они для нас не победители и побеждённые, а жертвы трагедии, которая произошла в России в начале прошлого века.

Итак, начинаю.

События Первой мировой войны и всех последовавших за ней войн с межвоенными жестокими экспериментами большевиков по выращиванию новой породы людей коммунистического будущего переполнены удивительными приключениями и коллизиями, как непосредственных участников событий истории России начала 20-го века, так и их наследниками «трудовой и воинской славы», многие биографии которых вместе с их отцами и дедами были бы хлеще любого приключенческого

романа, увлекательнее самого закрученного блокбастера. Дающих право поражаться, с каким упорством люди в России рубили сук, на котором они все до этого спокойно сидели, после того как злая сила не ввергла их в ужас Первой мировой войны, разбудившей в них самые низменные инстинкты, приведшие к хаосу братоубийственного истребления в гражданской войне, сталинским репрессиям, Второй мировой войне и озлоблению людей, населяющих созданный ими СССР в послевоенный период, что в конечном итоге привело к развалу великой державы.

Да так, что этому периоду садомазохистского истязания и взаимных упреков до сих пор не видно конца, и о котором знаменитый белый генерал и русский патриот М.Г. Дроздовский выразился так: «Я безумно устал, измучился от этой вечной борьбы с человеческой тупостью и малодушием, но повторяю: как часовой с поста своего я не уйду!».

В очередной раз рассматривая бумаги и фотографии своего архива, оставшиеся мне в наследство от отца и матери, а также собранные по разным учреждениям страны и присланные из ближнего и дальнего зарубежья, мне пришла в голову мысль написать статью в документах о близких мне родственниках, участвовавших не на последних ролях во многих исторических событиях нашей страны, воюя даже на определённом этапе российской истории друг с другом.

Все представленные мной здесь свидетельства и фотографии являются не только частью исторического прошлого с его фактами ушедшей безвозвратно эпохи, но и своего рода визитными карточками двух породнившихся фамилий:

по материнской линии – донских дворян Хрипуновых и Гордеевых, по отцовской крестьянской – Балтушис-Жемайтиса (настоящая фамилия отца Балтушис, фамилия же Жемайтис за ним закрепилась как партийная кличка, с которой он работал в 1918-20-х годах в оккупированной немцами Литве). Обе эти фамилии на первый взгляд мало кому знакомы из истории нашей страны и ни о чём не говорят, но тем не менее если вдаваться в детали конкретных эпохальных событий, то можно под увеличительным стеклом конкретики увидеть, что все они оставили довольно заметные следы во временно-пространственных координатах прошлого. Хрипуновы и Гордеевы по линии мамы – своим активным участием в Белом движении на Дону под непосредственным руководством генералов Каледина, Краснова и Богаевского. Отец – своим активным участием в подавлении этого Белого движения на Дону, командуя полками в дивизиях Блинова, Миронова, Киквидзе и др. А дальше уже по линии Коминтерна, являясь руководителем восстания в Шяуляе Литвы в начале 1919 г, когда восставшие захватили город, разоружили немецкий гарнизон и три месяца вместе с подроспевшими частями Красной Армии удерживали его в своих руках. А затем командуя в 1940 году Литовской народной армией, в 1942-43 гг 16-й Литовской стрелковой дивизией, участвовавшей под командованием моего отца в боях под Орлом в марте-апреле 1943 года. Что тоже немаловажно для более

пристального внимания к его прошлому с положительными и отрицательными оценками всей его деятельности. Отец и мамыны родственники были людьми своего времени, верой и правдой служивших России по своим взглядам не на последних ролях в великом противостоянии переменчивого понятия добра и зла 20-го века, поэтому их имена могут представлять определённый интерес для любителей истории, для всех физиков и лириков по жизни, которая всегда становится проще, если узнаёшь в деталях, как, где и что происходило, понимаешь, почему происходит сейчас и догадываешься, как произойдёт в будущем.

Сам я родился в 1944 году в Москве, после школы поступил в 1963 году в Коломенское артиллерийское училище с выпуском в 1966-ом, закончил 27-летнюю службу в армии в звании подполковника, отец генерал-майор Балтушис Жемайтис Феликс Рафаилович, 1897 года рождения, участник Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, был по национальности литовцем. Перед увольнением в запас в 1954 году работал старшим преподавателем в Академии Генштаба (в то время Высшая военная академия имени Ворошилова). В конце 40-х годов в той же академии 2 года возглавлял Курсы усовершенствования высшего командного состава.

Мать – Балтушис-Жемайтис Евгения Васильевна, урождённая Хрипунова, происходила из известного на Дону дворянского рода, была домохозяйкой, воспитавшей трёх своих детей: от первого брака мою сводную сестру Эльвину Тукс, от второго – моего брата Фелю и меня.

У отца имелся ещё один сын от его первой жены Ефросиньи Станислав (1926 – 2001 гг жизни), тоже подполковник, живший в 50-х годах у нас в семье в нашей квартире №410 дома №18 по пер. Хользунова в период его учёбы в Военно-инженерной академии имени Куйбышева.

В «Генеральском доме» №18 по пер. Хользунова от Академии Генштаба (названном так окрестными жителями по жившему в нём большому количеству генеральских семей) наша семья жила с 1946 по день расселения всех его жильцов по разным районам Москвы в 1964 году для размещения в его стенах Штаба Дальней авиации страны. Я во время переселения один год уже учился в Коломенском артиллерийском училище.

В семье я рос самым поздним ребёнком (родился, когда отцу было без малого 47 лет, а матери 40). С разницей в возрасте около 20 лет со своим старшим братом и сестрой и с 5-летней разницей с родным братом Фелей, родившемся в 1939 году, что, однако, не помешало ему раньше всех уйти из жизни из-за онкологии в возрасте всего 21 года в звании лейтенанта почти сразу же после окончания Горьковского военного училища техников связи в 1959 году.

Бог мне дал время и силы пережить не только своих родителей, но и всех своих братьев и сестру, преподавательницу английского языка в московской школе, скончавшуюся в мае 2005 года в возрасте 79 лет.

Рос я, конечно же, при живых отце и матери самым любимым чадом, которому часто позволялось то, что запрещалось другим братьям. А богатая по тем временам домашняя библиотека, унаследованная от отца с многими

книгами не для свободной продажи, поспособствовала с самого раннего детства у меня проявлению интереса к истории России. Сначала ко всем её бунтарям и руководителям восстаний, и моими настольными книгами во время учёбы в школе были 3-томник Шишкова «Емельян Пугачёв» и 2-томник Злобина «Степан Разин». Затем к истории Великой Отечественной войны по таким трудам, как «Правда о войне» нацистского генерала Типпельскирх, из которого узнал, какой большой кровью досталась нам Победа в Великой Отечественной войне, о чём умалчивали советские историки тех лет по распоряжению властей, чтобы скрыть правду о людских потерях СССР во Второй мировой войне, которая могла бы бросить тень на всю советскую систему как слабую во всех отношениях. Любил я также читать труды других военных писателей и перечитывать «Воспоминания Черчилля» о гражданской войне в России с дальнейшими попытками большевиков разжечь пожар мировой революции в Европе. И другие работы иностранных, российских и советских авторов, многие публикации которых явились откровением для меня и моих друзей детства, которым я давал читать книги из библиотеки, чтобы лучше понимать историю и любить её ещё больше.

До конца 70-х годов все мы знали от мамы о её прошлом лишь то, что она родом из донской станицы Усть-Медведицкой (ныне это районный центр Волгоградской области город Серафимович), в то время втором по значению после Новочеркасска городе Области Войска Донского. Что родилась она в 1905 году в семье мирового судьи Василия Георгиевича Хрипунова, вернувшегося с Первой мировой войны на родину с 4-мя солдатскими «Георгиями» на груди. А в гражданскую войну умершего от тифа в 1920 году.

Слова мамы подтверждала и её родная сестра, тётя Женя по мужу Калабина. Ибо почти все советские люди в то время официально не копошились в своём царском или церковном прошлом из-за опасности быть причисленным к классово-чуждым категориям граждан со всеми вытекающими неблагоприятными для всех последствиями, всем запрещалось критиковать настоящее и в открытую заявлять, что не верят в светлое будущее. И тем не менее после смерти Сталина в 1953 году многие уже смело по разным углам и кухням шептали всякого рода антисоветчину, живя по принципу четверостишия Юрия Полякова:

По краешку запретному скользя,
Свободу мысли обращая в шалость,
Мы думали о том, о чём нельзя,
И говорили то, что разрешалось

Времена изменились и всё больше и больше здравомыслящих людей стали уже официально делать первые робкие попытки разобраться, что же произошло в нашей стране в 1917-20 годах. Ибо все шаблонные идеологемы

той поры, которыми нас усердно пичкали с кафедр учебных заведений, экранов телевизоров, со страниц газет и журналов порядком набили оскомину не только в среде интеллигенции, но и у простых граждан. Ведь, как известно, не меняются только дураки да покойники и, можно сказать, что и коммунистические взгляды, ставшие уже с начала 60-х годов предметом кухонных обсуждений, сплетен и откровенной критики, стали постепенно сходиться на нет, а вместе с ней и СССР, зиждившийся на марксистско-ленинской идеологии во всех сферах жизни, что закреплено было в Конституции страны 1977 года, от чего вскоре страна стала шататься из стороны в сторону, ибо чьи-то надуманные фантазии и суровая реальность никогда не совпадают по времени и поэтому фундамент из умозрительных заключений не идёт ни в какое сравнение с бетонным основанием любой страны из сильной экономики, религии и истории страны. Поэтому все коммунистические лозунги той поры и цитаты классиков марксизма-ленинизма стали перекачываться в область политических анекдотов и частушек, подтвердив тем самым поговорку «не всё свято, что в книги вмято». Тем более в массивный пласт советской историографии и художественной литературы, в которой, как оказалось, лжи и искажений фактов про Белое движение и жизни на Западе было выше крыши, что постепенно ослабляло у россиян выработанный в 30-х – 40-х годах иммунитет к любым разновидностям антикоммунизма и либерализма, как после тяжёлой болезни всего организма, напичканного в изоляторе строгого содержания таблетками успокоительного, потерявших свои «врачебные» свойства из-за частого их употребления.

И все эти изменения в сознании людей, сопровождавшиеся движением шестидесятников, диссидентов с открытием внешних границ СССР после «хрущёвской оттепели» и предоставленной возможности более свободного общения с представителями другого, враждебного ещё нам тогда капиталистического мира, подкреплялись сравнениями не в пользу сталинского социализма с его командной системой, отнявшей власть у созидающего рабочего класса и крестьянства, и передавшей её паразитическому классу номенклатуры.

А поражение белых в гражданской войне стало уже объясняться не только их «диалектическим закономерным поражением в войне с большевиками» и с борьбой под лозунгом «за единую и неделимую Россию», из-за которого от них отвернулся весь цивилизованный мир. Но и в большей степени ещё и потому, что не было русской нации, к которой можно было бы обратиться с призывом о помощи. Нет этой национальной сплочённости и сегодня, чтобы успешно развиваться на принципах гуманизма и демократии. В чём признавался Троцкий в своей работе «История русской революции», где говорится, что» мы, красные, себе позволили то, что не могли позволить белые: эксплуатировать традиционную ненависть «людей с тяжело двигающимися мозгами к образованной, богатой, успешной России». Под фразой «с тяжело двигающимися мозгами» он конечно же имел в виду

серость российских люмпенов, составлявших подавляющее большинство в стране, с медленным из-за повальной безграмотности развитием и примитивными условиями жизни, усугубившимся к тому же жестокостью советских чиновников в многочисленных войнах советского периода и в деле насильственной индустриализации и коллективизации страны. Что актуально по сию пору, ибо люди в моральном плане по сравнению с усвояемостью в вопросах насущного развиваются гораздо медленнее.

Но тем не менее с развитием техники и средств массовой информации, когда быстрее стало «всё течь и меняться», люди моего поколения застали времена, когда на экранах кинотеатров и телевизоров стали появляться художественные и телевизионные фильмы, но уже далеко не с карикатурными и кровожадными образами белогвардейцев, а, наоборот, в чём-то даже вызывающими симпатии и откровенное сочувствие. По таким, например, фильмам, как: «Сёстры» Рошаля, «Тихий Дон» Герасимова, «Сорок первый» Чухрая, «Бег» режиссёров Алова и Наумова и др.

Заставившие уже многих задуматься, а почему и во имя чего русские воевали между собой? Чего хотели те и другие, и, главное, за правое ли дело вели борьбу большевики, если жизнь в стране с каждым годом становится всё хуже, а политической литературы с восхвалением советского строя и его вождей всё больше.

Люди, наконец, поняли, что долгие десятилетия в серой повседневной реальности их кормили сказками о хорошей и сытой жизни в будущем, стараясь вытравить из сознания великое прошлое страны со всеми её уникальными духовными ценностями, историческими уроками и примерами для подражания.

Именно в то время я и услышал правду от своих мамы и тёти о деде и о трагических судьбах членов знаменитого донского Хрипуновского рода в годы гражданской войны, к которому они принадлежали по своему дворянскому происхождению.

На их и других примерах в духе шолоховского романа «Тихий Дон» тоже очень ярко проявилась суть основанного большевиками 74-летнего правления с его вождями и руководителями, о которых хорошо сказано в Священном писании, гласящем: «...Лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов ... и сам сатана принимает вид Ангела света... и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их» (2-е Послание коринфянам. 11, 13-15).

Эти слова может подтвердить найденное недавно историком Германом Назаровым письмо председателя ВЧК Дзержинского Ленину от 19 декабря 1919 года, в котором говорится о чудовищном преступлении большевиков. А именно, что «за последнее время сдались около одного миллиона белых казаков, которые размещены:

в Геленджике – около 150 тысяч человек,
в Екатеринодаре – около 500 тысяч человек,
в Белореченске – около 150 тысяч человек,

в Майкопе – около 200 тысяч человек,
в Темрюке – около 50 тысяч человек».

Имеется резолюция Ленина «Расстрелять всех до одного». («Беспредел», документальный фильм В.С. Правдюка).

А ведь это пахари, работники, родители, мужья, сыновья, нужные стране люди. И такое садистское варварство!!! И это всего лишь один ужасающий воображение любого нормального человека эпизод из истории гражданской войны, даже если он и не был осуществлён на все 100%!!!

Оказалось, что при Краснове дед Василий Георгиевич Хрипунов занимал должность Окружного атамана Усть-Медведицкого округа, командующего войсками округа, и был расстрелян большевиками в марте 1920 года возле станицы Шапсугской под Новороссийском.

От рук красных погибли его отец войсковой старшина Георгий Захарович и брат деда Василия Георгий. А в 1937 году получили пули в затылки в подвале НКВД в Свердловске и два сына деда, Георгий и Николай как «враги народа».

Были расказачены и высланы с Дона брат деда Виктор и сёстры: Александра (по мужу Каледина, ибо была замужем за сыном Атамана Войска Донского А.М. Каледина, Петра Алексеевича) и Клавдия.

В Аргентину выехал сын деда Анатолий вместе со своей приёмной матерью, бывшей фрейлиной Императрицы Александры Фёдоровны, Надеждой Николаевной Родигер (правда, факт о существовании такой фрейлины в свите императрицы Александры Фёдоровны мне никак не удаётся до сих пор отыскать, поэтому её принадлежность ко двору остаётся на уровне лишь семейного предания).

За границей оказался брат деда, генерал-майор Хрипунов Михаил Георгиевич с сестрой Лидией, выехавшей из России к мужу полковнику Гордееву Андрею Андреевичу в Галлипольские лагеря Турции.

В Португалию переехали все родственники жены деда Василия, моей бабушки Бороздиной Евгении Николаевны, которая в ответ на предложение выехать вместе с ними из большевистской России гордо ответила, что она русская, и её место в России. Поэтому слова французского писателя Виктора Гюго: «Чтобы изменить человека, нужно начинать с его бабушки», - не для моей ближайшей родственницы, скончавшейся в 1949 году в возрасте 73 лет, когда мне было всего 5 лет и которую я помню только смутно в гробу и знаю по воспоминаниям своих близких.

Бабушка как мама моей мамы и сестры мамы, тёти Жени Калабиной, была патриоткой России, что является основой любого начинания в деле жизнеутверждения и правильного воспитания детей с приобщением к любви к родине и культуре поведения, поэтому я их всех троих считаю главными своими примерами для подражания и наставницами, заложившими основы моего характера с «любовью к отеческим гробам», и вполне вероятно, что они гордятся мной на небесах, как и моими детьми и внуками, а равно другими внуками по линии моей сводной сестры Эльвины как хранителями

родовой Памяти и продолжателями хрипуновских семейных традиций. Недаром одну из своих внучек мы с женой Верой и дочерью Наташей назвали Женей в честь моей мамы. А тётя Женя в честь своего отца назвала своего единственного сына от первого брака с Музыко В.П. Василием, трагически погибшего при форсировании Днепра в районе Куцеволовки в 1943 году, не оставив потомства.

Да упокоятся души р.б. трёх Евгений (бабушки и двух её дочерей) с миром!

Вообще, тема гражданской войны заслуживает особого внимания историков, ибо изобилует примерами повального уничтожения не только представителей народов и классов России, но и всего казачества. Когда исконно русские Семиреченское и частично Уральское казачества по воле большевиков оказались на территории Казахстана и Киргизии, а значительная часть донских земель на территории Украины. При этом 2 миллиона из 4-хмиллионного населения Донской области было физически уничтожено и выслано из области в отдалённые районы страны. И вся эта безжалостность была вызвана тем обстоятельством, что, по словам Лейбы Бронштейна -Троцкого, «казаки, не знавшие никогда крепостного права, являлись единственной частью русской нации, способной к самоорганизации».

В 1988 году, через 4 года после смерти мамы, я нисколько не надеясь на положительный ответ, ибо нельзя было рассчитывать, что кто-нибудь может мне помочь в деле поисков сведений о моей белогвардейской родне, сделал свой самый первый запрос, - в Государственный архив Ростовской области.

Бояться мне уже было нечего, ибо твёрдо уверовал в своём праве на информацию. К тому же вся моя офицерская служба подходила к концу, а политработники конца 80-х годов были уже далеко не теми, что в 50-х – 60-х годах, и все они были озабочены в первую очередь проблемами армии, её начавшимся развалом, и им уже не было никакого дела до контрреволюционной родни офицеров и прапорщиков. В армии и по стране уже свободно гуляли анекдоты про Ленина, Сталина, Василия Ивановича Чапаева, Брежнева, Суслова и других хрестоматийных героев нашей недавней истории, рассказываемых в открытую, и часто даже на партсобраниях.

К своему удивлению вскоре я получил ответ от доцента Ростовского госуниверситета Королёва Владимира Николаевича, с которым вступил в переписку, не прекращавшуюся до его кончины в 2006 году. Царство ему небесное! Светлой души был человек!

Привожу это письмо полностью.

«Уважаемый Ольгерд Феликсович!

Сотрудники Государственного архива Ростовской области, которые не могут и юридически не обязаны заниматься розысками по такого рода запросам,

как Ваш, тем не менее обратились ко мне с просьбой помочь Вам, если есть такая возможность.

Я историк и занимаюсь генеалогией донского дворянства. С удовольствием выполняю их просьбу, потому что у меня есть некоторый материал о Хрипуновых, и потому, что предки Вашей матери происходят из станицы Усть-Хопёрской, которая расположена рядом с родной станицей моих собственных предков, Еланской.

Дальше я перечисляю всех известных мне Хрипуновых со сведениями, которыми располагаю:

1) ГЕРАСИМ ХРИПУНОВ. Казак Усть-Хопёрской станицы. Отец Григория Герасимовича;

2) ГРИГОРИЙ ГЕРАСИМОВИЧ. Казак той же станицы. Родился около 1751 г. В службе с 1766 г. С 22.09.1798 г. сотник. Уволен в отставку в 1805 г., будучи есаулом. Был неграмотен. Отец Михаила Григорьевича;

3) МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ. Казак той же станицы. Родился около 1780 г. В службе казаком с 1.01.1798 г., урядником с 28.06.1806 г.. За отличие в кампании 1813 г. произведён в хорунжий (10 или 30 марта 1813 г.). Сотником с 16.04.1823 г. В 1801-04 гг. находился у содержания разъездов в Казанской губернии. Участвовал во Французской кампании в Пруссии в 1806-07 гг., затем в составе Молдавской армии в Турецкой войне (в 1807-12 гг.). С 28.07.1812 г. – в походе в 3-ю Западную армию, в которой участвовал в войне с французами до её окончания. В 1815 г. в походе в Виленскую губернию. С 1816 г. в походе в Грузию и затем в Имеретии у содержания кордонов. С 1819 г. находился при Войске Донском. Имел знак отличия Военного ордена св. Георгия и орден св. Анны 4 степени.

30.01.1848 г. определением Войскового дворянского депутатского собрания сотник Михаил Григорьевич, его сын Яков Михайлович и внучка Лукия Яковлевна признаны в дворянском достоинстве (определение утверждено указом Герольдии Правительствующего Сената 28.06.1848 г.). В дате, возможно, ошибка, т.к. определение отправлено в Герольдию 21.08.1848 г.

4) ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ. Родился около 1798 г. Отец Захара Яковлевича.

5) ЗАХАР ЯКОВЛЕВИЧ. Отец Георгия Захаровича.

6) ГЕОРГИЙ ЗАХАРОВИЧ. Казак Усть-Медведицкой станицы. Офицером с 24.07.1879 г. Сотником с 24.10.1885 г. Есаулом с 15.06.1893 г. В 1880-90 гг. - преподаватель гимнастики в Усть-Медведицком окружном училище.

Был станичным атаманом Усть-Медведицкой станицы и в 1904-05 гг. обвинялся в преступлении по должности (суть мне неизвестна).

Под 1915 г. упоминается войсковым старшиной, станичным атаманом той же станицы, членом Усть-Медведицкого попечительного о тюрьме отделения.

Иногда именовался Егором. Отец указанных Вами Василия, Георгия, Григория и Виктора Георгиевичей.

7) ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ. Казак Усть-Медведицкой станицы. Родился в 1873 или 1874 гг. Окончил юридический факультет Киевского университета. Под 1900 г. упоминается не имеющим чина, кандидатом на судебные должности и секретарём гражданского отделения Усть-Медведицкого окружного суда. Под 1915 г. – надворным советником и почётным мировым судьёй Усть-Медведицкого округа.

Летом 1918 г. – подъесаул, Окружной атаман Усть-Медведицкого округа, командующий войсками того же округа, член окружного суда (утверждён в должности Окружного атамана и командующего войсками округа приказом Донского атамана П.Н.Краснова от 24.06.1918 г.).

Летом 1918 г., являясь Окружным атаманом и состоя в чине есаула, был избран от Усть-Медведицкой станицы депутатом 4-го Большого Войскового Круга, открывшегося 15.08.1918 г. и работавшего до конца гражданской войны и некоторое время за границей.

2.02.1919 и 15.03.1919 гг. был избран членом комиссий Войскового Круга соответственно по транспортированию войск из Кубани и Северного Кавказа и следственной.

О «беспощадной» борьбе В.Г. против Советской власти мельком упоминает участник экспедиции Подтёлкова А.И.Федорцов в своей книге «Рядом с Подтёлковым» (Саратов, 1974 г., стр.12), называя В.Г. полковником.

8) МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ. В 1907 г. окончил Донской кадетский корпус, откуда был выпущен в Николаевское кавалерийское училище.

В гражданскую войну – генерал-майор, командир Атаманского полка.

В эмиграции – командир того же полка, затем Атаманского дивизиона (в который был преобразован полк).

Последние имеющиеся у меня сведения о М.Г. относятся к марту 1933 г.: он командир дивизиона (с 1.12.1932 г. в 11-месячном отпуске) и одновременно «занимает место на частной службе в достаточной мере независимое и обеспеченное».

Жизнь атаманцев сосредоточена в двух городах: Канне (штаб дивизиона и кадр 2-й сотни) и Париже (кадр сотни Его Высочества, кадр 3-ей сотни, полковой музей, собрание и общежитие).

В Париже же с 1929 г. существует Общество атаманцев, объединяющее нынешних и бывших офицеров-атаманцев. Почётный председатель общества – Великий Князь Борис Владимирович, председатель – бывший командир Атаманского полка генерал Михайлов, вице-председатель – М.Г.

Издаётся «Вестник Общества атаманцев».

М.Г. мельком упоминается в воспоминаниях И.Калинина («Под знаменем Врангеля», Л., 1925 г.) и И.Лунченкова («За чужие грехи. Казаки в эмиграции», М-Л, 1925 г.).

М.Г. борется соответственно – против обогащавшихся жуликов из казаков-эмигрантов и против возвращения казаков в СССР (и там, и там действие происходит на острове Лемносе).

9) ГЕОРГИЙ ГЕОРГИЕВИЧ. Казак Усть-Медведицкой станицы. С 1905 г. кадет Донского кадетского корпуса (на войсковой стипендии).

Приказом Донского атамана П.Н.Краснова от 15.09.1918 г. Георгий Хрипунов назначен начальником отделения управления Окружного атамана Усть-Медведицкого округа.

10) ГРИГОРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ. В 1901 г. окончил Донской кадетский корпус и был выпущен в Михайловское артиллерийское училище, по окончании которого выпущен хорунжим в 1-ю Забайкальскую казачью батарею. С этой батареей участвовал в Русско-Японской войне 1904-05 гг.

11) ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ. В 1902 г. окончил Донской кадетский корпус и был выпущен в Михайловское артиллерийское училище, по окончании которого выпущен хорунжим в 1-ю Забайкальскую казачью батарею. Участвовал с этой батареей (вместе с упомянутым братом) в Русско-Японской войне.

12) Кроме того, упоминается, - не знаю кто, - юнкер Новочеркасского казачьего училища **ХРИПУНОВ**, выпущенный в 1914 г. хорунжим в 6-й Донской казачий полк со старшинством с 6.08.1913 г.

Вот всё, что мне известно о Хрипуновых. Надеюсь, я чем-то смог Вам помочь. Конечно, в архиве есть и другие сведения, но они не разысканы. Что касается гражданской войны, то документы этого периода в основном ещё в спецфонде.

Сведения о Михаиле Григорьевиче (№3) – краткие – я взял из формулярного списка М.Г. за 1825 г. (от 1.01.1826 г.). При желании Вы можете заказать в Госархиве Ростовской области его фотокопию: ГАРО, ф.344, оп.1, д.310, лл. 265-265об, 270-270об (ошибочно стоит: 245-245об, 250-250об),- за соответствующую плату. Не сразу, но, думаю, сделают.

Желаю Вам всего доброго. С уважением, Королёв В.Н.

2.11.1988 г.

П.С. Если Вы поделитесь какими-то биографическими сведениями о перечисленных здесь лицах, буду Вам признателен».

Письмо от Королёва вдохновило меня на дальнейшие поиски. И вскоре из различных архивов и музеев страны я на свои запросы стал получать копии документов, касающихся не только родственников мамы, но и служебной деятельности отца, неизвестные страницы из биографии которого оказались для меня не менее важным откровением, чем родословная и служба маминных

Хрипуновых. И если до всех моих поисков история моей семьи представлялась мне своего рода тихой пешей прогулкой по закоулкам великой истории России. В которой в роли экскурсоводов выступали мои мама и тётя (отец умер, когда мне было 12 лет, не успев почти ничего рассказать о своём прошлом). То, набрав довольно большой объём документов, я понял, в каких невообразимых переделках исторической круговерти участвовали мои мама и тётя со всей своей казачье-дворянской роднёй. А также мой отец, выходец из литовских крестьян, оставаясь до этого в моём представлении скромным тихим совслужащим с ничем в общем-то не примечательным званием генерал-майора и должностью преподавателя в Академии ГШ. Я понял, какой уникальной и интересной биографией он обладает, часто «добровольно-принудительно» бросаясь с головой в омуты военных мясорубок. Чтобы лишний раз соприкоснуться с суровой действительностью лихолетий царского и сталинского правления не только на полях Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, но часто рискуя получить пулю в затылок от рук чекистов по надуманным обвинениям и по доносам его близких друзей. То же самое относится и ко всем нам, которых к счастью арест и расстрел многих членов хрипуновской семьи нисколько не затронул, несмотря даже на то, что в протоколах допросов двух маминых братьев 1937 года по обвинению в контрреволюционной деятельности мама и тётя фигурировали в качестве их близких родственников. Что в то время считалось уже преступлением с обязательным лишением свободы и с пожизненным клеймом «члена семьи изменника родины», а то и по совокупности с другими «преступлениями» расстрелом.

В дополнение к информации Королёва можно привести сведения от писателя Сергея Ивановича Рябова, который в своём письме от 11.01.2021 года на мой адрес привёл одну, на мой взгляд, очень интересную выдержку, касающуюся **Хрипунова Георгия Захаровича**:

«В метрической книге Николаевской церкви Усть-Хоперской станицы за 1852 год на странице 27 имеется запись №41 о рождении 9 апреля у казака из дворян Захара Яковлевича Хрипунова и его законной жены Марины Андреевны сына Георгия и его крещении 13 апреля. Восприемниками (крестными) были казак Усть-Медведицкой станицы Агап Абрамов и казачья жена Евдокия Щеголькова. За Агапа Абрамова в метрической книге расписался сам Захар Хрипунов.

Сергей»

В приведённых ниже архивных свидетельствах я в некоторых из них сознательно сохранил орфографию и стилистику, чтобы как можно полнее передать дух безвозвратно ушедшей эпохи и в соответствии с правилами

грамматики той поры понять мысли чиновников на давно пожелтевших листках бумаги.

Продолжу своё повествование о Хрипуновых, самым ярким представителем которых после Михаила Григорьевича Хрипунова, основателя хрипуновской династии, отличившегося в войне с Наполеоном, по моему мнению, является мой дед **ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ХРИПУНОВ**. Но перед этим небольшой экскурс в 17 век, чтобы понять или предположить с большой долей вероятности, откуда ведёт своё начало этот довольно известный на Дону род.

В книге А.А.Гордеева «История казаков» (часть 2-я, «Страстной бульвар», Москва, 1992 год) на странице 22 говорится о том, что в 1667 году воронежские посадские Гордеев и Хрипунов «судили его (Степана Разина, прим. моё) порохом и свинцом и от многих воронежцев было воровство – порох и свинец продавали ворами и покупали у них рухлядь».

Это свидетельствует о том, что какие-то Гордеев и Хрипунов в верховьях Дона скорее принудительно, чем добровольно, помогли вооружиться знаменитому бунтарю Стеньке Разину на самом начальном этапе восстания. Очевидно, Гордеев сознательно включил в книгу этот факт, чтобы вот таким способом сообщить читателям о своих и его жены Лидии, урождённой Хрипуновой (сестры моего деда), корнях.

Как я уже писал, дед Василий вернулся с Первой мировой войны с 4-мя «георгиями» на груди. За какие конкретно боевые заслуги он получил все 4 солдатских креста – известно, и в подтверждение слов мамы и тётки в пользу этого факта служат: фотография деда, датируемая 1917 годом, на которой он изображён с 4-мя крестами (она к нам попала из Португалии от родственников бабушки, ибо вторая такая же была уничтожена сёстрами из-за боязни репрессий) и «Список (по старшинству в чинах) генералам. А также «штаб и обер-офицерам и классным чиновникам Лейб-Гвардии Атаманского ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА полка, составленный к 1 июня 1916 года» (ЦГВИА СССР, Ф.3611, оп.1, д.910, л.19об). Где говорится, что «Василий Георгиевич Хрипунов, рождения 1874 г., марта 7-го, православного вероисповедания, из потомственных дворян Области Войска Донского, образование – общее, в ИМПЕРАТОРСКОМ Университете...», перечислены сражения, в которых он участвовал, «имеет 3-х сыновей: Георгия, родившегося 19 апреля 1898 г., Николая – 13 июня 1901 г., Анатолия – 7 сентября 1903 г.; и двух дочерей: Евгению, родившуюся 8 февраля 1905 г. (моя мама, прим. авт.) и Евгению – 9 ноября 1906 г. (даты указаны по старому стилю, прим. авт.)... Начальник команды связи с 14 января 1916 года в 3-ей сотне... НАГРАЖДЁН 4-МЯ ГЕОРГИЕВСКИМИ КРЕСТАМИ 1-й, 2-й, 3-ей и 4-ой СТЕПЕНЕЙ, а также орденом Анны 4 ст. за храбрость, Станислава 3-ей ст. с мечом и бантом и Анны 3 ст. с мечом и бантом».

Там же написано, что орден св. Анны 4-й ст. он получил за удачную разведку и взятие в плен «германского пехотинца 49-го полка немцев». (ЦГВИА СССР, Ф.3611, оп.1, д.498, л.40).

Мама рассказывала, как он ей в подарок привёз немецкую каску с шишаком, с которой она долго потом играла в «дочки – матери» - укладывала спать свои матерчатые куклы в эту подвешенную каску, как в люльку. Не исключено, что каска принадлежала тому пленному немецкому пехотинцу.

Вполне естественно, что дед, вернувшись с войны на Дон в 1918 году пользовался у казаков Усть-Медведицы гораздо большим авторитетом, чем будущий знаменитый красный полководец гражданской войны Ф.К. Миронов, баллотировавшийся вместе с дедом на пост Окружного атамана и уступавший ему в военных заслугах и в образовании, - у Миронова среднее после Новочеркасского военного училища, у деда высшее – юридический факультет Киевского университета. Видимо, все эти факторы сыграли решающую роль при выборе Окружного атамана, и казаки отдали большинство голосов Хрипунову Василию.

А скорый на принятие решений и авантюрный Филипп Кузьмич, видимо, обидевшись на своих земляков, получил поддержку у большевиков, назначивших его тут же своим Окружным атаманом и Командующим войсками того же Усть-Медведицкого округа.

В жизни каждой страны и тем более в жизни каждой империи есть ключевые люди, чьи дела и поступки задавали направление в развитии событий государства. И хоть история не любит гаданий на кофейной гуще, но что было бы, если б казаки избрали в мае 1918 года не Хрипунова, а Миронова?

Наверное, вся гражданская война на Дону проходила бы по немного другому сценарию, но всё равно не в пользу белых, несмотря даже на такого харизматического лидера в их рядах, каковым, несомненно, оказался Филипп Кузьмич. Хотя бы отчасти потому, как сказал хорошо бывший Главнокомандующий в 1919 году Вооружёнными силами Юга России А.И.Деникин: «Мы приносили с собой в освобождённые от большевиков области России прозу жизни, а большевики обещали народу поэзию будущего».

К тому же марксизм большевиков в России оказался ложью необычайно взрывчатой силы. Ибо детонатором к нему служили самые низменные чувства обывателей с реальным разрешением властей «грабить награбленное» в целях строительства пролетарского рая на земле. А какой русский человек не польстится на халяву!? Оказавшуюся через 74 года после захвата власти большевиками в октябре 1917 года сыром в мышеловке. В этом, на мой взгляд, и заключалась вся беда российского казачества, более зажиточного, чем крестьянства, знающего цену своему труду. А посему дольше всех сопротивлявшегося насильственному захвату их имущества доморощенной пьяной голытьбой, и поэтому большой кровью жестоко поплатившегося за свою строптивость.

В книге генерал-майора Голубинцева «Русская Вандея» (Мюнхен, 1959 г.) на стр.48 говорится: «...Но чтобы всё же установить гражданскую власть в Округе, я на другой день пригласил в Окружное правление местных нотаблей. И, ознакомившись с положением и желаниями, назначил Заведующим Делами Управления Окружного Атамана гв. подьесаула Хрипунова, местного жителя и бывшего юриста, которому предложил немедленно вступить в исполнение обязанностей, наладить и возстановить разшатанный революцией порядок.

Начальником полиции назначил полковника Попова.

В дальнейшем, во внутреннюю жизнь Усть-Медведицы я не вмешивался, предоставив гражданскую власть подьесаулу Хрипунову...»

У знаменитого белого генерала, видимо, «всё смешалось в доме Облонских», то бишь Хрипуновых, и он забыл, кто осуществлял гражданскую власть и кому он подчинялся как командир дивизии на начальном этапе восстания в Усть-Медведицком округе.

Не исключено, что Голубинцев, не указавший инициалы Хрипунова, в своих мемуарах имел в виду брата деда, Георгия Хрипунова, который, действительно, в то время находился на должности управляющего делами при Окружном атамане со званием хорунжего, и не имел юридического образования. Но звание – подьесаул и профессия юриста указывают именно на деда Василия. И почему он ни словом не упомянул деда, выборного Окружного атамана, должность которого была утверждена самим Красновым, остаётся загадкой.

Имеющиеся у меня на руках документы восполняют пробелы в памяти генерала.

Да, сначала вся власть в округе была в руках Голубинцева, о чём свидетельствует приведённый ниже документ.

**«РОССИЯ, 20-й ВЕК, ФИЛИПП МИРОНОВ», документы
(Международный фонд «Демократия», Москва, 1997 г.), стр.55.**

**«Текст важнейших постановлений, принятых съездом представителей
Усть-Медведицкого округа на заседаниях 12 – 14 июня 1918 г.**

2

Об организации власти в округе

Вначале предложено избрать одного кандидата на должность Окружного Атамана, который ведал бы всеми делами округа, но ввиду того, что Донским Атаманом назначен уже командующий освободительными отрядами УМО войсковой старшина А.В. Голубинцев, сход выбрал кандидатом на должность Окружного Атамана подьесаула В.Г. Хрипунова, которому предоставить всю власть, за исключением дел чисто оперативного характера...»

Но следующие два других говорят о главенстве Хрипунова Василия в округе.

РЯДОМ С ПОДТЁЛКОВЫМ» А.И.ФЕДОРЦОВ

Приволжское издательство, Саратов, 1974 г

Стр.12.

«... Затем грянул Октябрь. 15 января 1918 года на собрании коммунистов полка, где я служил, меня приняли в партию большевиков. А дней через 10 после этого самого-самого памятного в моей жизни события я с очередным эшелонем демобилизованных фронтовиков отбыл на родину. Усть-Медведицкий округ, в который входила слобода Даниловка, уже не представлял в политическом и административном отношении единого целого. В станице Усть-Медведицкой у власти по-прежнему оставался окружной атаман – полковник Хрипунов, которого вскоре сменил полковник Голубинцев. В первые же дни революции они создали повстанческие отряды. Каждая попытка трудовых казаков-фронтовиков заменить власть атамана новой, советской властью, беспощадно пресекались...»

И хоть автор своих воспоминаний называет Хрипунова и Голубинцева полковниками (первый был в то время есаулом, второй войсковым старшиной), оба эти документа, а также приведённый ниже ещё раз говорят о том, что Голубинцев в своих воспоминаниях не пожелал делить успех с дедом на первоначальном этапе восстания в мае-июне 1918 года в Усть-Медведицком округе. Поэтому ни словом не упомянул своего первого начальника, Окружного атамана и Командующего войсками Округа, которому он, Голубинцев подчинялся как командующий Усть-Медведицкой дивизией и помощник Окружного атамана. Что видно из приведённого ниже документа и расходится с «Текстом важнейших постановлений, принятых съездом представителей Усть-Медведицкого округа на заседаниях 12 – 14 июня 1918 г.»

Приведу этот Приказ Атамана Краснова полностью, ибо с дореволюционной орфографией он обладает оригинальными литературными качествами и весь пронизан стилем безвозвратно ушедшего далёкого времени.

**«ПРИКАЗЪ
ВСЕВЕЛИКОМУ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ.**

Г.Новочеркасск, 24 іюня 1918 г

№321

1

22 сего іюня я посьтил станицу Усть-Медвѣдицкую. При проѣздѣ моёмъ на протяженіи двухсот вѣрсть по Донецкому и Усть-Медвѣдицкому округамъ я съ грустью убѣдился, что населеніе очень мало освѣдомлено о событіяхъ, происходящихъ на Дону. Газеты «Донской Край» и «Донъ» совсем не

получаются въ такихъ большихъ слободахъ, какъ Ольховый Рогъ, Кошары и Большинская и очень плохо и неаккуратно доходитъ до самой Усть-Медведицкой станицы, виню въ этомъ Освѣдомительный Отдѣл, который совершенно неправильно поставленъ.

В Усть-Медведицкомъ округъ казаки, призванные въ ряды полковъ на защиту Родины въ нѣкоторыхъ полкахъ позволяли себѣ устраивать митинги и былъ случай самовольной посылки парламентёровъ къ красной гвардіи для переговоровъ отъ казаковъ. По всемъ такимъ дѣламъ Войсковому Старшинѣ Голубинцеву и окружному атаману Подьесаулу Хрипунову производить тщательныя судебныя разслѣдованія и предавать измѣнниковъ Тихаго Дона полевому суду, а где такового ещё нѣтъ временному народному суду.

Вся станица проникнута горячимъ патриотизмомъ; она уже съ доблестью выдержала страшную борьбу и я не сомнѣваюсь, что она смѣло удалитъ и послѣднія гангренозныя ранки и поможетъ своему сосѣду Хопёрскому округу въ его великой борьбѣ съ врагами челоуѣчества – большевиками.

Войско ждѣтъ извѣстій о полномъ освобожденіи всего округа отъ разбойничьихъ отрядовъ красной гвардіи.

В Усть-Медведицкой станицѣ я съ душевнымъ умиленіемъ посѣтилъ женскій монастырь и его великолѣпный храмъ. Большинство монахинь было на полевыхъ работахъ. Чистота и блаобразіе храма, то, что монастырь сумѣлъ въ теченіе трѣхъ вѣковъ вырастить и сберечь лѣсъ, несмотря на многія попытки его уничтожить дѣлаетъ ему честь также, какъ и его культурныя работы по защитѣ овраговъ. Я надѣюсь, что граждане Усть-Медведицкаго округа и въ будущемъ помогутъ игуменѣ Святославъ сохранить лѣса, которые являются лучшей защитой Дона отъ обмеленія и высыханія; надѣюсь, что плодотворная работа по охранѣ овраговъ путѣмъ посадокъ широко распространится съ лёгкой руки монастыря по всему округу, въ которомъ непомѣрное разрастаніе овраговъ является истиннымъ мученіемъ для земледѣльца.

2

Утверждается: Подьесаул Хрипуновъ (Василій Георгіевичъ) – атаманомъ Усть-Медведицкаго округа и командующимъ войсками округа.

Войсковой Старшина Голубинцевъ – командующимъ Усть-Медведицкой дивизіей и помощникомъ окружного атамана по военной части.

3

Во время моихъ поѣздокъ по землѣ войска Донского я неоднократно замѣчалъ, что дѣятельность Освѣдомительнаго Отдѣла направлена совершенно неправильно. Вместо того, чтобы по всемъ станицамъ, хуторамъ и посѣлкамъ, до послѣдняго одинокаго зимника, затерявагося въ глухой степи распространять правдивыя извѣстія, съять страстную любовь къ Всевеликому войску Донскому и имѣть оттуда свѣдѣнія черезъ своихъ постоянныхъ корреспондентовъ, Освѣдомительный Отдѣлъ устроилъ въ Новочеркасскѣ

громадный департаментъ, чисто канцелярскаго типа и питается лишь случайными слухами, часто лживыми и въ большинствѣ случаевъ носящими характеръ сплетень.

Начальнику Освѣдомительнаго Отдѣла, Донской Артиллеріи Войсковому Старшинѣ Бабкину, доблестному и знающему офицеру, весьма драгоценному для строя – управляющему Военнымъ Отдѣломъ предоставить мѣсто по его специальности в постоянной Донской Арміи.

Начальникомъ Освѣдомительнаго Отдѣла назначаю редактора газеты «Донской Край» Войскового Старшину Родіонова с оставленіемъ в должности редактора газеты «Донской Край» и предписываю:

1) Къ 1-му іюля создать культурно-просвѣтительные курсы.

2) Поддержать средствами и освѣдомленіемъ, а также передачей по телеграфу, допущенныхъ къ печати военныхъ сводокъ Штаба Всевеликаго войска Донскаго самостоятельныя газеты – въ Новочеркасскъ – «Дон», въ ст. Константиновской - «Константиновскія Известія», въ ст. Усть-Медвѣдицкой и Каменской нарождающіеся тамъ газеты и въ недѣльный срокъ создать газеты при помощи мѣстныхъ силъ въ станицахъ Урюпинской и Вешенской, въ городахъ Ростовъ, Таганрогъ и Александро-Грушевскъ, и въ станице Великокняжеской.

3) Послать специальныхъ постоянныхъ корреспондентовъ газеты «Донской Край» и всѣхъ этихъ газетъ (однѣ и тѣ же) – во всѣ окружныя станицы, въ города: Ростовъ, Таганрогъ и Александровскъ-Грушевскъ, военныхъ корреспондентовъ в Добровольческую армію и на фронты – Батайскій, Сальскій, Царицынскій и Хопёрскій, въ города: Кіев, Москву, Петроградъ, Одессу и Севастополь.

4) Приступить к печатанію народныхъ листовокъ и с благословенія архіепископовъ Митрофана и Гермогена проповѣдей и патріотическихъ книгъ.

5) В двухнедѣльный срокъ поставить ротационную машину для газеты «Донской Край». Деньги на эту машину отпущены три недѣли тому назадъ, а о машинѣ только говорятъ. Пора перестать говорить, а съѣсть на поѣздъ, поѣхать, купить и лично привести, не доверяя желѣзнымъ дорогамъ.

6) Распустить многочисленный штатъ в Новочеркасскъ и отправить рабочія силы на мѣста. Об исполненіи каждаго изъ этихъ предписаній Начальнику Освѣдомительнаго Отдѣла докладывать мнѣ черезъ Предсѣдателя Совѣта Управляющихъ.

4

Для обревизованія дѣятельности и сумм Ростовской Думы и Продовольственной Управы гор. Ростова назначаю комиссію под председательствомъ бывшаго Городскаго Головы города Ростова:

Г.Кириянова, изъ членовъ: товарища прокурора Ростовскаго Окружнаго Суда по назначению Управляющаго Отдѣломъ Юстиціи, представителя отъ Отдѣла Внутреннихъ Дѣл по назначению управляющаго отдѣломъ, представителя Войскового Контроля по назначению Войскового Контролёра, г. Горбачёва, бывшаго городского головы города Ростова, Владимира Кирилловича Чирикова, Владимира Николаевича Костричина и Павла Артёмовича Фёдорова, бывшихъ гласныхъ Ростовской Думы. Г.Кириянову переговорить съ означенными общественными дѣятелями и я надѣюсь, что безпристрастная ревизія откроетъ глаза обывателю на дѣятельность Городской Думы города Ростова.

Донской Атаманъ

Генераль-маіоръ Красновъ».

В силу неблагоприятныхъ для белыхъ событий на фронтѣ военная оппозиція в округѣ постепенно набрала силу и вполне естественно, что все главенствующие функции перешли к Голубинцеву. Что, впрочем, ненадолго изменило ситуацию в пользу восставшихъ, как и всего Белого движения на Дону. Вся Донская область стала красной в прямомъ и переносномъ смыслѣ. Начался красный терроръ с расказачиванием, в результате котораго из 4-хмиллионнаго населенія всей Области Войска Донскаго осталось только 2 миллиона. А все ихъ земли были поделены на Азово-Черноморскую область с центромъ в Ростове-на-Дону и Царицынскую с нынѣшнимъ Волгоградомъ. Часть приграничныхъ территорий за строптивость казаковъ отошла Украинѣ. Слава Богу, что не вся целикомъ область по примеру Семиреченскаго и части Уральскаго казачества Казахстану и Киргизіи за его поддержку атамановъ Дутова, Анненкова и другихъ, возглавившихъ восставшихъ противъ большевиковъ казаковъ.

Мои мама и тѣтя после расстрела ихъ деда в мартѣ 1919 года в Усть-Медведицѣ и отца в мартѣ 1920 года под Новороссійскомъ тоже были вынуждены уехать с Дона к своей мамѣ. Которая после развода с Хрипуновымъ Василиемъ в 1909 году вышла замуж за податнаго инспектора, ставшаго вскоре статскимъ советникомъ, Хлибкевича Александра Николаевича (умеръ в 1916 г. в возрастѣ 49 лет), с которымъ оказалась в Елизаветградѣ, оставивъ всехъ своихъ сыновей и дочерей на попеченіе Хрипунова и его родныхъ.

Так, уже повзрослѣвшими, в началѣ 20-х годов сѣстры оказались на Украинѣ у своей мамы Евгении Николаевны Хрипуновой, по второму мужу Хлибкевич, у которой к тому времени было трое детей от еѣ уже втораго брака: Анна, Михаилъ и Николай.

Последующіе вскоре замужества сестѣр со сменами фамилій определили всю ихъ дальнѣйшую жизнь, оберегло отъ неприятностей и позволило мамѣ и тѣтѣ, этимъ двумъ представительницамъ хрипуновскаго рода, обеспечить уже

своими детьми продолжение далеко не последнего на Дону дворянского рода со всеми присущими ему традициями, воспитанием и отношением к жизни.

В книге Шамбарова «Белогвардейщина» я нашёл одно место, где говорится о боях в марте 1920-го года белых с красными под Новороссийском, в одном из которых был взят в плен Хрипунов В.Г. и расстрелян. Вот что говорится на стр. 448-й этой книги.

«Деморализованная Черноморская красная армия паниковала и в Геленджике, опасаясь, что кубанцы пойдут следом и раздавят её, узнав, что белые эвакуируют Новороссийск, тут же двинулись на север на соединение с 9-й советской армией. И на середине пути, у Кабардинки, столкнулись с другой деморализованной толпой – несколькими тысячами донцов и добровольцев, не попавших в Новороссийске на корабли и шедших берегом на Туапсе. Здесь большевикам повезло. При первой же стычке белые замитинговали и рассыпались кто куда. Меньшинство было подобрано с берега миноносцами, БОЛЬШИНСТВО УШЛИ В ГОРЫ ИЛИ СДАЛИСЬ». Вот в горах, под станицей Шапсугской дед с сыновьями попал в плен и был расстрелян.

О службе и обстоятельствах гибели деда известно из интернетовской статьи Ивана Чеботарёва:

« 7 марта (22 февраля по ст. ст.), 97 лет назад, был убит герой Великой войны в составе Лейб-Гвардии Атаманского Е.И.В.Г. наследника цесаревича полка, полный Георгиевский кавалер, есаул Василий Георгиевич Хрипунов.

Василий Георгиевич Хрипунов родился в 1874 г. в семье Георгия Захаровича Хрипунова, войскового старшины и атамана (с 1904 по 1905 г.) окружной станицы Усть-Медведицкой (в марте 1919 г. Георгий Захарович был расстрелян большевиками). Василий Георгиевич окончил юридический факультет Киевского университета. До 1906 г. служил секретарем гражданского отделения Усть-Медведицкого окружного суда, а затем судебным следователем в Варшаве, имел чин надворного советника.

В 1914 г. добровольцем (охотником) зачислен вольноопределяющимся в Лейб-Гвардии Атаманский Е.И.В.Г. наследника цесаревича полк, где на тот момент сотником служил один из его родных младших братьев Михаил Георгиевич (полковой адъютант с 14 октября 1914 г., будущий командир Л.Гв. Атаманского полка в Гражданскую войну и генерал-майор). В составе 3-й сотни полка произведен в старшие урядники.

28 сентября 1914 г. у города Ловича «за распорядительность, находчивость и спокойствие под огнем противника во время разведки» был награжден Георгиевским крестом 4 ст. (№ 91003).

Был награжден Георгиевским крестом 3-й ст. (№ 11491) за то, что «2 ноября 1914 г., находясь в сторожевой заставе в г. дв. Нецки, под сильным артиллерийским огнем наблюдал за противником, давая ценные сведения; до

конца боя оставался на посту, поддерживая все время связь с полком, перевязал много раненых».

Награжден Георгиевским крестом 2-й ст. (№ 544) за то, что «21 ноября 1914 г., наблюдая юго-восточную опушку леса восточнее д. Слубице, обратил в бегство разезд противника 13–20 коней, оставался на посту, несмотря на сильный огонь пехоты противника, отошел только когда в тыл зашла кавалерия».

Был награжден Георгиевским крестом 1-й ст. (№ 415) вместо креста 4-й ст. № 142442 «за отличия, оказанные им в войне против германцев» и произведен в прапорщики.

«За боевые отличия» произведен в хорунжие 18 декабря 1914 г., в сотники 31 мая 1916 г. со старшинством с 1 декабря 1915 г., в подьесаулы 26 января 1917 г. со старшинством с 1 декабря 1916 г. Имел ордена: Св. Анны 4-й ст. (в оружии) с надписью «за храбрость» от 28 июля 1915 г.; Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом от 22 декабря 1915 г.

Весной 1918 г. после освобождения Усть-Медведицкой станицы от красных, осуществлял гражданское управление округом. Утвержден атаманом и командующим войсками Усть-Медведицкого округа (П. ОВД от 24.06.18 г.).

Вскоре от своей станицы был избран в состав Большого войскового круга.

Далее привожу рассказ атамана полковника Иванова Георгия Александровича, записанный в эмиграции:

«Смерть есаула Василия Георгиевича Хрипунова» со слов атамана, белоэмигранта полковника Иванова Георгия Александровича.

«22 февраля 1920 г. (7 марта по новому стилю) Лейб-Гвардии Атаманский полк вернулся из карательной экспедиции в Екатеринодар. На следующий день есаул Хрипунов (войсковой старшина, Приказ ДА №1959 от 25 дек.1918 г, прим. моё) выехал из Екатеринодара, узнав, что в 35 верстах находится управление окружного атамана Усть-Медведицкого округа. У есаула Хрипунова были на руках казенные деньги, которые он и хотел передать казначею управления.

До присоединения к полку есаул Хрипунов был окружным атаманом Усть-Медведицкого округа. Многие отговаривали его ехать, ибо всюду шалили «зеленые». Есаул Хрипунов все же решил ехать один, боясь, что его заподозрят в присвоении денег. В небольшом хуторе он передал деньги под расписку и решил заночевать.

Неожиданно банда «зеленых» ворвалась в дом, и один из главарей ее закричал есаулу Хрипунову: «Сними погоны!» На что получил ответ: «Не ты, сволочь, мне их давал — не тебе их и снимать» (Произведен же в офицерский чин есаул Хрипунов был лично государем императором на смотре полка в г.Седлец).

Все были арестованы и под конвоем ночью отправлены по направлению станицы Славянской. Около леса четыре конвойных взяли есаула Хрипунова

и повели в лес. Раздалось около десятка выстрелов и конвойные возвратились обратно без есаула Хрипунова».

Вот так погиб мой дед, сохранив верность Присяге и офицерским погонам, вручённым ему лично императором Николаем Вторым, тем самым не запятнав перед лицом смерти честь офицера. Два же его сына, находившиеся при нём, Николай и Георгий, через несколько дней были задержаны красными и отправлены в Екатеринодар, откуда начались их мытарства по концлагерям, преследованиям и судам, закончившимся в 1937 году расстрелом в Свердловске. Поэтому на основании печальных судеб его сыновей и всей логикой сталинского террора (есть версия, что Сталин имеет отношение к этому террору из-за заговора военных, когда везде мерещились шпионы, диверсанты, саботажники в первую очередь из числа бывших дворян и офицеров), когда вал репрессий подмял под себя почти каждую советскую семью, можно сделать вывод, что этот расстрел Хрипунова Василия в 1920 году спас двух его дочерей от пролетарского гнева победившего в стране гегемона. Проживи дед ещё несколько лет в России или за границей могли бы с большей долей вероятности выявиться его связи с дочерьми или их принадлежность к белогвардейскому донскому хрипуновскому роду, и последствия для всех его близких и потомков были бы гораздо более плачевными, если бы вообще эти потомки появились на свет. Поэтому, образно выражаясь, можно сделать вывод, что дед своей гибелью «смертью смерть поправ».

Вот что я узнал про автора статьи Иванова Г.А. в Интернете.

Даты жизни: 22 янв. 1893 - 1950

Биография:

Из казаков ст. Мариинской Области Войска Донского, сын есаула. Донской кадетский корпус 1910, Николаевское кавалерийское училище 1912. Офицер 4-го Донского казачьего полка. Есаул л.-гв. Атаманского полка.

Георгиевский кавалер. В Донской армии с 20 мая 1918 в л.-гв. Атаманском полку, на 21 сен. 1919 командир 3-й сотни. Войсковой старшина. В мар. 1920 эвакуирован из Новороссийска в Крым. В Русской Армии помощник командира л.-гв. Атаманского полка до эвакуации Крыма. Полковник (31 мар. 1920). Эвакуирован на транспорте "Ялта". В эмиграции во Франции, на дек. 1924 казначей и комендант Атаманского дома объединения л.-гв.

Атаманского полка, к 1931 заместитель командира л.-гв. Атаманского полка в Париже. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (6-й вып.). Ум. 1950 во Франции.

Чины:

Награды:

ГО - ВП от 07.11.1915, лейб-гвардии Атаманский полк, хорунжий

Дополнительная информация:

-Поиск ФИО по «Картотеке Бюро по учету потерь на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг.» в РГВИА

-Ссылки на данную персону с других страниц сайта "Офицеры РИА"

Источники:

1.Волков С.В. база данных «Участники Белого движения в России»

ГЕОРГИЙ ЗАХАРОВИЧ ХРИПУНОВ. Отец Василия, Михаила, Георгия, Григория, Виктора, Лидии, Александры и Клавдии.

Кратко о нём уже сказано в письме Королёва. Добавить ещё что-либо мне, к сожалению, почти нечего. Пусть этот пробел в биографии моего прадеда заполнят приведённые ниже два документа.

ГЕРБ
КОМИТЕТ
государственной безопасности СССР
УПРАВЛЕНИЕ

по Волгоградской области
6 марта 1990 г, №10/1-29042оф

ЖЕМАЙТИСУ Ольгерду
Феликсовичу

400066, г. Волгоград

На Ваше письмо в УКГБ СССР по Волгоградской области сообщаем, что имеются архивные материалы на Вашего прадеда – Хрипунова Георгия Захаровича, 1852 года рождения, из дворян, учился в Виленском пехотном училище (окончил курс), служил в офицерских чинах до 1905 года. В звании подполковника был уволен в отставку, проживал в станице Усть-Медведицкой, имел паровую мельницу.

Со слов Хрипунова Г.З. его сыновья:

ВАСИЛИЙ – в чине есаула в 1918 г. был за окружного атамана Усть-Медведицкого округа. В 1919 г. находился в войсках генерала Краснова;

МИХАИЛ – войсковой старшина, находился на службе у генерала Краснова;

ГРИГОРИЙ – подполковник артиллерии при Главном Артиллерийском Управлении, умер в 1918 г. в Петрограде;

ВИКТОР – капитан при Главном Артиллерийском Управлении в Петрограде;

ГЕОРГИЙ – есаул, окончил курс Донского кадетского корпуса в Новочеркасское казачье училище по первому разряду. В 1914 г. произведён в хорунжие с зачислением в 37-й Донской казачий полк. Участвовал в

походах против германских войск. Убит 29 декабря 1919 г. при станице Пичужинской Астраханской губернии во время боёв с красногвардейцами. Имел награды: Ордена «Святой Анны» - 2-й, 3-й и 4-й степени с мечами и бантами, орден «Святого Станислава» 2-й и 3-й степени с мечами и бантами.

Хрипунов Михаил Захарович 11 марта 1919 года был арестован Особым отделом при Реввоенсовете 9 армии Южного фронта за то, что добивался расстрела местным жителям станицы «Усть-Хопёрской (которые впоследствии в количестве 24 человек были расстреляны). Кроме этого у него были найдены оперативные сводки белоказачьих войск. На основании вышеизложенного Хрипунов Г.З. был приговорён к расстрелу. Данных о приведении приговора в исполнение нет. Других сведений об указанных в Вашем письме родственниках в архивных материалах не имеется.

Начальник подразделения УКГБ А.А.Сидоров

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
27.05.2004 г. №10/2-Ж-328/25611
400131, г. Волгоград

Жемайтису О.Ф.

Направляем в Ваш адрес ксерокопии протоколов допросов из архивного уголовного дела №25611-пф в отношении Вашего прадеда – Хрипунова Георгия Захаровича.

Приложение: ксерокопии на 7 листах (л.д. 11, 12, 14, 15, 16)

Начальник подразделения Причискина

ПРОТОКОЛ

1919 марта 9 дня я, следователь Особого Отдела при Революционном Военном Совете 9-й армии Чернышов, сего числа допросил по делу Хрипунова в качестве свидетеля Дьякову Акулину Ивановну.

Место службы – на дому хозяйствует

Место жительства постоянное – Усть-Медведица

Адрес квартиры – Александров-Невская ул., 9, кв. 19

Состоит ли членом партии - нет

Находится ли в родстве с обвиняемым – нет.

ПОКАЗАНИЯ

Моего сына Данилу Петровича Дьяконова арестовывали казаки до 3-х раз и последний раз расстреляли его за приверженность большевикам.

До ареста мой сын говорил мне, что я боюсь очень полковника Хрипунова. Я, когда проходил мимо Хрипунова, он мне сказал: «Вас с Петькой Постниковым нужно расстрелять».

И всё время мой сын никуда не выходил, а сидел дома. И последний раз был осуждён казачьим судом на 1 год тюрьмы с лишением казачьих прав.

Но когда пришёл карательный отряд, то сына расстреляли при участии полковника Хрипунова и других.

Анисим Григорьевич /Оведенников/ был свидетелем по делу расстрела моего сына Данилы Дьяконова.

Когда я пришла попросить своих соседей, Александра Урасова и Марию Андреевну, чтобы они не показывали на моего сына, то они сказали:

«Чего ты пришла выпендриваться, кривая кочерга, разве мы не знаем, что это он всему зачинщик?»

Потом пришёл Александр Урасов и сказал: «Чего ты пришла просить, не проси. Когда он получал 400 рублей у Миронова, а теперь пришла просить!» и стал меня всячески ругать.

Кроме этих людей, показали на моего сына Иван Дмитриевич Рябов. Больше ничего показать не могу.

Прочитала, верно, подпись

Протокол составил следователь, подпись неразборчива

ПРОТОКОЛ

1919 марта 10 дня я, следователь Особого Отдела при Революционном Военном Совете 9-й армии Чернышов, сего числа допросил по делу Хрипунова в качестве свидетеля Дьяконова Петра Мануйловича.

Место службы – занимаюсь по хозяйству.

Место жительства постоянное – Усть-Медведица.

Адрес квартиры – Александрово-Невская, 19.

Состоял ли членом партии – нет.

Находился ли в родстве с обвиняемым – нет.

«Товарищ моего радетьельного сына Пётр Григорьевич Пастушков, который ныне находится в тюрьме Новочеркаска и приходится мне племянником, при встрече со мной как-то сказал: «Беда, дядя, Хрипунов сказал: «Вас с /Данилкой/ расстрелять надо». Больше ничего показать не могу».

Пётр Дьяконов
Следователь, подпись.

ПРОТОКОЛ

1919 марта 11-го дня я, следователь Особого Отдела при Революционном Военном Совете 9-й армии сего числа допросил по делу Георгия Хрипунова в качестве обвиняемого Хрипунова Георгия Захаровича, 1852 года рождения.

Происхождение – из дворян.

Где учился – в Виленском пехотном училище (окончил курс).

Род занятий до февральской революции – служил в Донских войсках до 1905 года.

Род занятий после февральской революции – в отставке, имел паровую мельницу (промышленник).

Род занятий после Октябрьского переворота – неразборчиво.

Кто родители – казаки-земледельцы.

Место службы в настоящее время – не служит.

Место жительства постоянное – станица Усть-Медведицкая.

Адрес квартиры – Садовая улица, собственный дом.

Средства к существованию – от промышленности.

Отношение к воинской повинности – служил в армии до 1905 года.

Состоял ли членом каких-либо союзов, обществ, партий, кружков политических – член Купеческого Банка.

Состоит ли в настоящее время членом профессионального союза и какого – нет.

Состоит ли членом партии и какой в настоящее время – нет.

Подвергался ли судебным преследованиям и когда – нет.

Находился ли под стражей и где – при Усть-Медведицкой тюрьме.

Следуют показания обвиняемого по делу.

1. Записывался ли добровольцем во время Освободительной войны от большевизма - нет.
2. Не принимал ли какого активного участия в это время – нет.
3. Чем объяснить найденную у Вас при обыске оперативную сводку казачьих войск – у меня сводки никакой не было, а была она у сына.
4. Ваши взгляды на Советскую власть – признаю власть.
5. Признаёте ли себя виновным в настоянии расстрела 24 человек, которых расстреляли в /июне/ - месяце 1918 года – не признаю.

Во время кадетской власти я никакого участия не принимал, служили мои сыновья у Краснова. Старший сын, Василий Хрипунов, в чине есаула был в мае-июне 1918 года за Окружного Атамана Усть-Медведицкого округа. В данное время находится у Краснова.

Григорий Хрипунов, подполковник артиллерии, находился в Петрограде (умер в июне 1918 г.) при Главном Артиллерийском управлении.

Капитан Виктор Хрипунов – в Главном артиллерийском управлении в Петрограде.

Георгий Хрипунов, есаул, убит 29 января 1919 года во время войны с большевиками.

Письмо, найденное у меня при обыске, принадлежит моему сыну Михаилу. Оперативная сводка принадлежит моему старшему сыну Василию, который исполнял должность Окружного атамана Усть-Медведицкого округа.

Награды имею /неразборчиво/ Анны и Георгия.

Больше ничего не имею показать.

Георгий Захарович Хрипунов
Следователь, подпись

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (Заключительное)

1919 года, марта 11-го дня я, следователь Особого Отдела при Революционном Военном Совете 9-й армии Чернышов, рассмотрев следственное производство, нашёл:

1. Что обстоятельства сего дела выяснены с достаточной полнотью.
2. Что Георгию Хрипунову предъявляется обвинение в том, что он угрожал расстрелом местным жителям, которые впоследствии были расстреляны (протоколы, листы 11,12), кроме того, он имеет несколько сыновей в Красновских бандах и безусловно сторонником Советской власти быть не может.
3. Что предъявленное Хрипунову обвинение, согласно пункту 2 сего постановления я нашёл доказанным показаниями свидетелей и собственными показаниями (протоколы, листы: 11, 12, 14, 15) и принимая во внимание вышеизложенное пункта 2-го полагал бы как вредного элемента Советской власти и ярого противника таковой применить ему /Хрипунову/ высшую меру наказания – РАЗСТРЕЛУ – а посему я, следователь Чернышов, постановил следственное производство по сему делу ЗАКЛЮЧИТЬ и принятую в отношении Хрипунова меру пресечения – содержание Его под стражей оставить по обстоятельствам дела без изменения.
Предъявить Хрипунову обвинение в КОНТ-РЕВОЛЮЦИИ, дело передать в Комиссию.

Постановление составил.
Следователь, подпись».

Последний документ наглядно свидетельствует – как хрупка и уязвима была человеческая жизнь в 1919 году в России. Часто зависевшая от воли и решения всего лишь одного человека, в данном случае следователя с аристократической фамилией Чернышов, нескольких листков с показаниями безграмотных казаков и казачек, без каких-либо серьёзных улик, очных ставок и серьёзных свидетельств вины подсудимого.

И судя по многочисленным публикациям и документам той поры – этот приведённый выше пример не является типичным в расследовании контрреволюционной деятельности чекистами той поры. Людей большей частью расстреливали без какого-либо следствия и допроса свидетелей. Видимо, в данном случае решили сделать исключение ввиду высокого статуса подследственного и спокойной обстановки в станице, но тем не менее с пародией на правомерность: без прокурора, адвоката, независимого судьи и показательности всего дела, которое несомненно шито было белыми нитками.

Другого разбирательства в режиме массового красного террора того времени вряд ли можно было ожидать на территории России (как, впрочем, и за всё время существования Советского Союза и после него). Люди в течение долгих лет непрекращающейся войны настолько ожесточились друг против друга, что о каких-либо проявлениях гуманности не могло быть и речи.

Вот что ещё сказано про Георгия Захаровича по воспоминаниям моей тёти, Евгении Васильевны Калабиной (журнал «Вопросы истории», №11-12 за 1996 г., в статье «Казачья семья Хрипуновых» на стр.80):

«В июне 1919 г. станицу снова заняли белые и домой вернулись наш папа, старший брат Георгий и два других брата: Анатолий – из Донского кадетского корпуса и Николай – из казачьего училища в Новочеркасске. Папа уже не был атаманом, а согласно своему юридическому образованию и прежней должности – прокурором Усть-Медведицкого окружного суда. Вернувшись в станицу, наши родные с ужасом узнали о расстреле красными дедушки.

Георгий Захарович был честным тружеником, имел большую семью и всем помогал.

Я с одной девочкой ходила за станицу, где откапывали расстрелянных, надеясь разыскать дедушку, но мы его не нашли, поскольку точно не знали, в каком месте произошла его казнь.

В одном раскопе были трое – двое мужчин и женщина, родные которой наверное знали, где её расстреляли, так как приехали с гробом. Зрелище было жуткое, поскольку этих несчастных закапывали, конечно, без гробов, и все они были испачканы в земле.

Бабушка Ирина Максимовна (Михеева в девичестве, вдова Г.З., прим. авт.) всё надеялась, что дедушка жив. Но он перед расстрелом, давая понять, что идёт на смерть, вернул подушку и снял с себя тёплую фуфайку. Всё это нам отдали, когда мы пришли о нём справиться...».

ГЕОРГИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ХРИПУНОВ. Не известна дата рождения и очень мало документальных свидетельств о его жизни и службе. Я нашёл только два скудных сообщения о его гибели в архивах и библиотеках страны, не считая воспоминаний Калабиной.

В вышеупомянутой уже мной книге Голубинцева «Русская Вандея» на стр.83 говорится:

«... У станицы Пичуженской и произошла моя первая встреча (27 декабря 1918 г., прим. авт.) с конницей Думенко. Бой ограничился перестрелкой и маневрированием без особенных результатов. В перестрелке был убит есаул Хрипунов...»

В приказах по белогвардейскому 16-ому Донскому казачьему конному полку за июль-декабрь 1918 г. (РГВА, Ф.40091, д.№1, оп.№1) в приказе №163 за 30 декабря имеется такое сообщение:

«Убитого в бою командира 1-й сотни Есаула Хрипунова Георгия исключить из списков полка и всех видов довольствия с 30-го сего декабря.

Командир полка полковник Дьяконов».

Кое-какие сведения имеются о нём и в РГВИА.

Калабина Е.В. в своих воспоминаниях не обошла молчанием о его похоронах.

Известно также, что он являлся младшим братом среди сыновей Георгия Захаровича.

В книге Николая Андреевича Келина «Душа на родине» на стр. 61, 64 и 65 вот что о нём сказано:

«...Я вернулся домой в станицу. Скоро узнал, что в окружном управлении заседает штаб обороны, потом, кажется, переведенный в здание епархиального училища, недавно выстроенного на доминирующей точке нагорного берега Дона, — великолепная цель для обстрела. Но тогда, в те архаические времена, в начале Гражданской войны, когда почти не было артиллерии, этому не придавали никакого значения. Откуда-то вдруг появился и новый окружной атаман, он же начальник обороны, лысоватый и белобрысый атаманец полковник Георгий Хрипунов — личность бесцветная и почему-то всей своей фигурой и физиономией напоминающая мне пресловутого Бориса Савинкова. Он в моей жизни сыграл большую роль и помог мне, помимо своей воли, избежать участия в Гражданской войне, по крайней мере в ее разгаре...»

«...дверь, ведущая в кабинет окружного атамана, где еще недавно с гранатами на столе сидел Семен Рожков, быстрыми шагами вошел полковник Хрипунов. Увидев меня всхлипывающим, он резко крикнул: «Сотник Келин! Потрудитесь в пьяном виде не являться в штаб!» Его окрик полоснул меня, как ножом. Хрипунов знал, что я иногда беру спирт на промывку копыт, и был уверен, что я, как и большинство казаков, пью.

Взбешенный незаслуженным оскорблением, я шагнул к нему и вне себя крикнул: «Прошу освободить меня от обязанностей командира батареи... Я не хочу принимать участия в этом кабаке!» Хрипунов опешил: «Как? Вы трус и большевик!» Потеряв самообладание, я, наступая на него, заревел: «А ты тыловая штабная крыса! Я на германскую добровольцем пошел, а ты где был, так перетак? А большевиком я никогда не был!» И в это время, как мне потом передавали, случилось непоправимое: я, кажется, полоснул его плетью и сбил погон... Помню только одно — Хрипунов круто повернулся и, хлопнув дверью, крикнул: «Арестовать! Под военно-полевой суд!» Я, сообразив нагрянувшую опасность, — полевой суд по тем временам означал верную смерть, — выхватил наган и, прислонясь спиной к стене, чтобы закрыть тыл, решительно заявил: «Не сдамся! Не подходите — стрелять буду!» Долго упрашивали меня товарищи-офицеры, чтобы я сдал оружие, но я знал, чем пахнет военно-полевой суд, да еще в такое горячее время, и не отдавал револьвера. Наконец или нервы сдали, или Саша Мельников меня уговорил, что все это чепуха и меня отведут только под домашний арест, я сдал оружие. Ко мне приставили двух казаков, братьев Мешковых, и увели домой. Полетели телеграммы в Клетскую, и на второй или в тот же день на почтовых прискакал в Усть-Медведицу дед. Изыскивались способы для спасения меня от неминуемой расправы в ближайшие же дни. Выбор остановился на друге нашей семьи, военном враче, когда-то лечившем меня, когда я учился в реальном, Маркиане Ивановиче Алексееве. У него было ужасное лицо, но золотое сердце. Не знаю, по какой причине его бесформенный нос был составлен из лоскута кожи, взятой со лба. Операция была проведена неудачно, и его нос, бесформенно свернутый в трубочку, напоминал изуродованную сливу или скомканный блин, неестественно торчащий между добрыми и внимательными серыми глазами. И вот этот человек, пользуясь своим неоспоримым авторитетом, сказал деду: «Другого выхода, Иосиф Федорович, нет — я его признаю душевнобольным, и мы его спрячем от суда в Новочеркасской психиатрической больнице, тем более что тут дело связано и с недавней контузией... Другого выхода нет!..» Дед согласился; подали тройку, и я с дедом в сопровождении братьев Мешковых как «опасный душевнобольной» покатыл в Новочеркасск, где до того никогда не был...».

Но почему Келин Георгия Хрипунова называет полковником?

То ли погиб от рук красных, пробираясь к белым на Дон в 1918 году из Петрограда, брат деда **ГРИГОРИЙ**. То ли он умер своей смертью — не известно. По словам моей тёти, «дядя Гриша перед своей таинственной кончиной успел отправить в родную станицу свою жену, очень красивую тётю Таню и сына Серёжу, с которым позже я часто виделась в Новочеркасске, куда они переехали и где они очень бедствовали.»

Куда-то исчез и **ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ ХРИПУНОВ**. От рассказывания не спасла его и кратковременная служба у красных. Так бы и пропали для меня за горизонтом времени судьбы всех моих оставшихся после расстрелов родственников, если бы не встреча в 1991 году в Москве с сыном сестры деда Лидии Георгиевны, Владимиром Андреевичем Гордеевым. От которого я узнал, что последние известия от Виктора, Клавдии и Александры он получил в 1960-ом году из Крыма, где они все втроём оказались волею судьбы, имели своё потомство и здравствовали. Передал мне их фотографии. Но дальнейшие мои поиски хотя бы следов пребывания своих родственников в Крыму (мне стало известно, что Клавдия работала в колхозе «Путь Ильича») или, вообще, на Украине ни к чему не привели. Хотя наверняка кто-то по линии Александры и ныне живёт в Крыму, о чём свидетельствует оказавшаяся у меня в руках фотография всей довольно многочисленной сохранившейся семьи Хрипуновых-Калединых.

МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ ХРИПУНОВ. В дополнение к данным Королёва мне стало также известно, что, судя по «Краткой Записке о службе Командира Л-Гв. Атаманского дивизиона, Генерал-Майора Михаила Хрипунова», составленной на 15 февраля 1922 г. (ЦГАОР СССР, Ф.6711, оп.№3, хр.№57, лл.122 и 122об) родился он 4 ноября 1889 г (все даты даны по старому стилю);

«В Донском Императора Александра 3-го Кадетском Корпусе окончил курс по 1-ому разряду и в Николаевском Кавалерийском Училище окончил курс по 1-ому разряду. Холост. Получает жалованье по должности наредника (подпрапорщика) пограничной стражи Королевства С.Х.С. – 445 дин. в месяц».

Далее из его послужного списка следует, что 23 ноября 1915 года в звании подьесаула он стал «Флигель-Адъютантом к Его Императорскому Величеству... Командиром Л-Гв. Атаманского полка 28 октября 1919 года... Генерал-майором 23 ноября 1919... В походах и делах находился в Русско-Германскую с Л-Гв. Атаманским Е.И.В.Г.Н.Ц. (Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, прим. авт.) полком с 19 июля 1914 по 17 октября 1917 года... В Степном походе в составе Атаманского отряда с 12 февраля 1918 по 4 апреля 1918 года.

В гражданскую войну с Л-Гв. Атаманским полком с 16 февраля 1919 по 30 октября 1920 года.

В Лагере Саипсак Тепе с 1-ым Донским Л-Гв. Сводно-Казачьим полком с 10 ноября 1920 по 29 декабря 1920 года.

На острове Лемносе с Л-Гв. Атаманским Дивизионом с 3 января 1921 по 3 июня 1921 года.

В Королевстве С.Х.С. с июня 1921 года.

Ранен 2 раза: один раз под дер. Малой Николаевкой Воронежской губернии 18 марта 1919 года пулей насквозь левой части брюшной полости и другой раз под Кабардинкой (у Новороссийска) 14 марта 1920 г. пулей насквозь

малоберцовой кости правой ноги, пуля раздробила малоберцовую кость и частью захватила большеберцовую, пройдя справа налево...»

Далее идут награды и сама подпись генерал-майора Хрипунова.

Биография его очень даже незаурядная и только обидно за весь высший офицерский корпус Белой армии, когда в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенов очевидно многим белым генералам приходилось довольствоваться столь низкими должностями у братьев славян, на которых местные жители служили в звании «наредников» - подпрапорщиков.

В 1924 году Хрипунов М.Г. всё ещё находился на службе в Этом Королевстве, о чём красноречиво свидетельствует следующий документ.

«Генерал-Майору Скворцову

РАПОРТ

4 сего мая в 15 часов по дороге из Орможа в Павловцы на меня наскочили 3 словенца в нетрезвом виде и стали бранить всех русов площадными словами. Не имея при себе никакого оружия, кроме толстой палки-трости, я ударил этой палкой одного из словенцев, причём этот словенец упал, а палка моя сломалась на-двое.

Потеряв последнее «оружие», я побежал, т.к. по близости были другие словенцы, о настроениях которых к себе в тот момент я не знал.

Пробегая мимо одной женщины, как оказалось потом бывшей так же в компании нападавших на меня словенцев, я споткнулся и упал, т.к. эта женщина подставила мне ногу. Побежавшие за мной упали на меня и нанесли мне по задним частям (я был в шинели) несколько ударов обломками моей же трости.

Вскочив на ноги и получив предложение того из словенцев, который от моего удара упал в грязь и сильно выпачкал свой новый костюм, заплатить ему за испорченное платье 150 д., я, чтобы не заводить драки среди бела дня, согласился на уплату, но у себя на квартире, т.к. при мне денег не было.

У себя на квартире я, чтобы не вести этого словенца по городу к жандармам, т.к. последние были очень далеко, уплатил эти 150 д., которые мне на следующий день жандармами и были возвращены, а жандармерией был составлен протокол, по коему в данное время /он передан/ в суд.

Как жандармы, так и все жители Орможа и Павловцев, выражали мне крайнее сочувствие по поводу случившегося и предупреждали меня, чтобы я отнюдь не мирился, буде словенцы будут предлагать мне это. Нападавшим грозит тюрьма и денежный штраф.

Описанное выше нападение на меня за акт враждебного со стороны словенцев отношения к русским, находящимся в Орможе и Павловцах, т.е. в моём районе, считать не могу, т.к. нападавшие были и раньше известны как хулиганы, от которых и сами жители терпели много неприятностей.

Генерал-Майор Хрипунов»

(ЦГАОР, Ф.5826, оп.1, ц.хр. №6, лл. 62, 62об).

Из архивной справки ЦГАОР СССР (№861, 958 от 12.09.1989 г.) известно, что Михаил Георгиевич «...В списке русских эмигрантов, выехавших из Крыма 15 ноября 1920 г. на пароходе «Великий Князь Александр Михайлович». А на 25 января 1925 г. он значится как руководитель партии в количестве 40 человек в Деказевилле департамента Авейрон на территории Франции и Бельгии.

В статье газеты «Православная Русь» (№8 за 1983 г.), выходящей в Иерусалиме и посвящённой кончине Председателя Русского Православного Палестинского Общества М.Г. Хрипунова говорится.

«К 1925 году остатки Белой Армии были рассеяны по всему свободному миру и начинали свою новую жизнь на чужбине. Генерал Михаил Георгиевич со своей женой (Ниней Георгиевной, прим. авт.) поселился во Франции в Каннах, где он управлял имением одной состоятельной англичанки леди Джуль. Когда началась Вторая мировая война, эта дама пригласила Хрипунова в Ирландию, где купила им дом, в котором и жили генерал с женой до 1955 г. и оттуда переехали в Женеву. Там он был возведён в чтеца в соборе Воздвижения Креста Господня.

Четыре года спустя, в 1959 г., генерал был избран членом Православного Палестинского Общества и переехал в Иерусалим, устроившись в Гефсиманской обители.

Сразу по приезде генерал всецело погрузился в работу и интересы Общества, а в 1968 г. был поставлен председателем Общества. В этом году структура Общества была перестроена, согласно статуту Императорского Православного Палестинского Общества, новым Начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Антонием, который сам был также членом и вице-председателем совета Общества.

(В 1964 г. Глава СССР Н.С. Хрущёв официально отказался от всех притязаний на имущество и земли этого Общества в пользу израильтян как юридически правопреемных от Российской империи к СССР всего за 4,5 миллиона долларов в виде изделий из текстиля по их рыночной стоимости, прим. авт.)

Каждый день в течение двадцати лет генерал Михаил Георгиевич ревностно выполнял обязанности чтеца в монастырском храме св. равноапостольной Марии Магдалины и пел басом с хором...

В 1981 г. в Святой и Великий Четверг он пережил первый удар, оставивший всю его левую сторону парализованной. Когда архим. Антоний пришёл к нему, поражённый новостью, генерал, хотя и с большим трудом, но сказал ему так, как некогда отвечали казаки Тарасу Бульбе перед боем: «Есть ещё порох в пороховницах: не гнутя казаки». Это было вполне в духе его верной

службы и исполнения своего долга, совершенного посвящения себя делу, на которое он поставлен.

Несмотря на эту продолжительную физическую немощь, Михаил Георгиевич полностью сохранил умственную способность и трезвость и, хотя с трудом, продолжал деятельно управлять делами Православного Палестинского Общества, постоянно осведомляясь обо всех легальных и финансовых делах Общества.

В четверг 17-го марта 1983 г. Михаил Георгиевич получил второй удар, после чего оказался полностью парализован. Несколько дней до этого он попросил сестру Веру, Гефсиманскую инокиню, чтобы она осталась при нём до конца и закрыла ему глаза по его смерти (его жена Нина Георгиевна к тому времени уже умерла, прим. авт.)

Когда она уверила его, что она его не оставит, он радостно сказал ей: «Если после смерти я буду иметь какое-то дерзновение перед Богом, я за тебя буду молиться. Только таким образом я могу как-то тебя отблагодарить».

Так как этот второй удар парализовал полностью Михаила Георгиевича, пришлось вызвать скорую помощь и отвезти его в госпиталь, неподалёку от нашего Елеонского монастыря. Предварительно архим. Антоний причастил его Св. Тайн. В больнице день и ночь за болящим смотрела сестра Вера, посещали его многие сёстры обеих обителей. Отец игумен Мефодий совершил над ним соборование и несколько раз причащал Св. Тайн.

Накануне праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, в то время, когда в наших храмах совершалась всенощная, этот человек долга с ранних своих юных лет и до последнего дня своей жизни, один из «последних могикиан» великой Российской Империи, генерал Михаил Георгиевич Хрипунов тихо отошёл к Господу, не придя в сознание. Это было в 6 часов вечера 6-го апреля 1983 г.

Отпевание и погребение было совершено духовенством Русской Духовной Миссии в Иерусалиме во главе с её Начальником архимандритом Антонием. Присутствовали и представители Иерусалимской Греческой Патриархии и друзья покойного.

Архимандрит Антоний в своём слове отметил совершенно особую благородную черту характера покойного: безграничную преданность идее, исключительную скромность и церковность.

С любовью проводили сёстры Гефсиманской обители своего старца – генерала к месту его последнего упокоения, на Гефсиманское кладбище, на место им самим выбранное.

Да упокоит Господь душу своего верного раба, чтеца и воина Михаила в селениях праведных!».

По словам В.А. Гордеева, Михаил Георгиевич до фанатизма был приверженцем Православной веры, не пропускал ни одного церковного богослужения. Выбрав для себя и своей супруги в конце 50-х годов постоянное местожительство в Гефсиманской обители Иерусалима, он с ужасом вскоре почувствовал всю «прелесть» прифронтовой жизни, когда

израильтяне с боями оккупировали восточную часть Иерусалима, где располагалась обитель.

Имея вполне самостоятельное материальное благополучие и независимость, он тем не менее отказал Владимиру Андреевичу Гордееву в денежной помощи, когда тот обратился к нему, испытывая нужду, и все свои немалые средства завещал Гефсиманской обители.

Статье из газеты, которую я здесь привёл, предшествовала моя довольно долгая переписка с одной монахиней Гефсиманского монастыря, хорошо помнившей Михаила Георгиевича. А нашему письменному знакомству способствовала переписка моей тётки Жени Калабиной с одним из представителей казачьего объединения во Франции, благодаря которому мы с тёткой и вышли на Гефсиманскую обитель.

«Рис оранжис

4. 03. 1990 г.

Глубокоуважаемая Евгения Васильевна!

Объединение Л.Г. казачьего полка получило Ваше письмо от 9. 12. 1990 г., но, к сожалению, после смерти его председателя, кому оно было адресовано. Так как я возглавляю Атаманское объединение, лейб-казаки решили мне передать фотокопию Вашего письма, считая, что я более квалифицированный Вам ответить. Должен сказать, что с моими знаниями о казачестве далеко мне до тех, которыми обладал покойный Дубенко. Борис Фёдорович, прожив часть казачьей эпопеи, содержал в себе настоящую энциклопедию, что позволяло ему отвечать на все вопросы без труда. Я же, родившийся в Париже, получил главные сведения от моих родных. Вы спрашиваете об атаманском круге. Как видите, он существует, но стал маленьким с уходом старшин в мир иной. Состоят в нём всего лишь четыре семьи, костяком которых являются братья Туроверовы, - сыновья Александра Туроверова, известного поэта. В начале декабря собираемся на полковой праздник. В течение года находимся в контакте, но видимся мало. У каждого своя жизнь, свои заботы помимо работы, которая занимает самую большую часть времени. Не имел чести быть знаком с генералом Хрипуновым, но знаю, что моя семья была в тесных отношениях с ним, особенно мой дедушка, генерал Тимофей Васильевич Михайлов. Увы, Михаил Георгиевич после тяжёлой болезни (паралич левой стороны) скончался 6-го апреля 1983 г. в Иерусалиме, где в течение многих лет был чтецом в Елеонском монастыре. Там же и похоронен. Так я частично ответил на интересующие Вас вопросы. Если получу какие-нибудь сведения о Гордеевых, то непременно Вам сообщу. Желая Вам крепкого здоровья, всего наилучшего. С уважением, Александр Александрович Михайлов».

Конкретный адрес был указан и я с одобрения тёти сделал запрос в Иерусалим в Елеонский монастырь, откуда вскоре пришёл ответ.

«27. 05. 1990 г.

Многоуважаемый Ольгерд Феликсович!

Ваше письмо настоятельнице Елеонского монастыря от 9.05. с.г. передано мне для ответа Вам, т.к. теперешняя Настоятельница монастыря покойного генерала не застала.

Михаил Георгиевич Хрипунов появился у нас на Святой Земле впервые в 1958 г. как паломник в группе приехавших русских людей из Франции. Его деятельность до этого момента мне неизвестна. Знаю, что он проживал в Англии и во Франции несколько лет.

Он собрался с супругой Ниной Георгиевной поселиться на Св. Земле окончательно. Будучи знаком с Игуменьей Гефсиманского монастыря М. Варварой (Цветковой), он получил разрешение водвориться в этом нашем монастыре, построив тут домик, который и остался недостроенным. М. Варвара уже тоже преставилась. Это было приблизительно в начале 60-х годов. (Елеонский и Гефсиманский монастыри не одно и то же; первый – наверху Елеонской горы, мы же – Гефсимания, у её подножия, напротив Старого Иерусалима).

Михаил Георгиевич был не только чтецом в нашем храме Св. Магдалины, но, обладая прекрасным басом, пел в нашем сестринском хоре, не пропуская ни одной службы.

Болел он недолго и мирно скончался в апреле 1983 г., был похоронен на нашем кладбище, на им самим выбранном месте, рядом с супругой, скончавшейся тремя годами раньше. Их могилы тщательно сохраняются. Так как он был назначен Председателем Русского Палестинского общества (б. Императорским). Остатки которого удержались на так называемых «Раскопках» в Иерусалиме, то по кончине его все его бумаги, и официальные, и частные, были взяты его секретарём о. Антонием Граббе, бывшим в то время у нас Начальником Миссии, т.е. главою над всем русским имуществом.

О. Антоний покинул нас 4 или 6 лет назад и где всё это теперь сказать трудно. Может быть, известно в Архиерейском Синоде в Америке, который является нашим высшим начальством.

Вот всё, что могу сообщить Вам, монахиня Анна, живущая в Гефсиманском монастыре с 1957 г.

Позволю себя спросить: не родственник ли Вы Станиславу той же фамилии, который недавно таким страшным образом покончил с собой в Москве? Если да – жму Вашу руку.

Недостойная монахиня Анна (Середа).

Иерусалм, Израиль (Св. Гефсимания)».

Последние строки относятся к одному газетному сообщению той поры, как некий Жемайтис Станислав в Москве на Красной площади в знак какого-то политического протеста облил себя горячей жидкостью, поджёг её и таким вот образом свёл счёты с жизнью».

«Рис Оранжис
8. 07. 1990 г.

Глубокоуважаемая Евгения Васильевна!

Отвечаю Вам с некоторым опозданием и прошу извинить.

Я очень хорошо понимаю Ваше взволнованное состояние после того, как провидение дало Вам возможность найти снова нить, связывающую с объективной реальностью прошлого. Сколько пришлось Вам страдать в течение многих ужасных лет! Переворот со своими когортами трагедий, жизнь в тяжёлых условиях и, наконец, явившийся проблеск с интервью Бориса Фёдоровича (?), благодаря, надо сказать, эволюции и свободе на советской земле. Думаю, что Вы спишитесь с Владимиром Андреевичем Гордеевым. Я ему написал 17.04.1990 г., приложив фотокопию Вашего письма от 9.12.1989 г. Благодаря друзьям, достал адрес Елеонского монастыря, в котором М.Г. Хрипунов был чтецом.

Можете обратиться к сестре Нонне, упоминая Марию Ивановну Толстую, секретаршу Казачьего союза и организаторшу паломничества на Святую Землю. Её там хорошо знают. Думаю, что Вы много можете получить оттуда. Генерал Хрипунов был уважаемой фигурой, вселюбимым человеком. Почему он вдруг пришёл к решению уехать в Иерусалим, не сумею Вам сказать. Предполагаю всё же потому, что он был глубоковерующим. Очень хорошо помню, что его письма содержали религиозный характер. Можно было подумать, что пишет священник.

Если соберу ещё какие-нибудь сведения, то, конечно, Вам сообщу. Пока желаю Вам бодрости духа и сил.

С уважением Михайлов».

Полный иерусалимский адрес не был нужен, ибо я в то время уже переписывался с Анной Середой.

«5.08.1990 г.

Многоуважаемый раб Божий Ольгерд!

(Извините, отчество Ваше не запомнила)

Спасибо за письмо. Самое главное у Вас теперь – креститься в Православную Веру. Российское духовенство мне (отсюда) совсем незнакомо, более обстоятельно слышу о Суздале. Там есть еп. Лазарь и подчинённое ему духовенство. Может быть, снесётесь с ним или даже съездите в Суздаль. Адреса, к сожалению, не знаю.

Что ещё сказать о дорогом для Вас покойнике. Он о себе ничего не рассказывал нам, едва знакомым сёстрам, да ещё в половине арабкам. Он был прекрасного характера, добродушный, весёлый, простой, не лишён доброго юмора. Любил декламировать стихи, читал наизусть Чехова, на собраниях выступал с речами очень искусными и прочувственными. Не хватало ему тут, конечно, интеллигентных людей и подходящих собеседников, как и русских книг.

Не знаю, как и где познакомился он с нашей 2-й Игуменьей М. Варварой (Цветковой), которая и пригласила его поселиться в нашем саду, когда он с супругой после паломничества решил остаться в Иерусалиме.

Он построил в саду маленький домик близ церкви, где и преставился после недолгой болезни. Не помню его ни нетерпеливым, ни раздражённым даже во время болезни. Оставил по себе у всех лучшую память.

Может быть, я много чего не слыхала от него и о нём, т.к. глухну давно на оба уха от склероза. Может быть, чего и не запомнила – мне 83 года.

От души желаю Вам устроиться с великим Таинством Крещения. В крайнем случае, можете креститься в любом ближайшем храме. Слышно, что там едва не ежедневно до 50-ти крещений.

С искренним приветом гр. мон. Анна».

Отчасти по совету Анны, сам сознавая необходимость приобщения к Вере своих предков по линии мамы (мать всегда ближе к детям, чем отец) я покрестился в церкви Ивана Воина на Якиманке, благодаря чему сделался другим человеком не только чисто духовно, но и в материальном плане. Ибо сразу же после обряда крещения получил квартиру в Москве, привёз семью из Самарканда, и вся моя жизнь кардинально изменилась в лучшую сторону. Закончилось моё бомжевание после 27 лет службы в армии. И я, наконец, обрёл душевный покой в смутное для России время начала 90-х годов 20-го столетия.

«6.11.1990 г.

Поздравляю, раб Божий Олег, со св. Таинством Крещения. Теперь Вы поистине сын Православной Церкви, наследник Царства Небесного. Нет, мне очень знакомы и понятны слова: Моссовет, ордер и все заковыки с получением жилья, да ещё в Москве. В моё время (до 1942 г.) даже выезд в

Москву из Питера (где жила) погостить у друзей едва разрешался, а то и не разрешался, и это было. А теперь, видимо, можно, даже из заграницы, но для меня это исключено главным образом из-за возраста и глухоты (я её пригласил в Москву в гости в свою только что полученную квартиру, прим. авт.). Да и не тянет, одни могилы остались (если уцелели), родных давно нет, друзья вряд ли не репрессированы – все были церковные. И переменялось там всё, и в Москве, и в Питере. Глаза бы не глядели. У нас всё ещё жарко, 26 – 28 градусов С, небо синее, безоблачное, а очень нужен дождь, которого не видим с марта месяца. Даже москиты ещё кусаются. Это в ноябре-то! И порхают бабочки. Привет Вашей тёте Жене, и от меня наилучшие пожелания. Господь с Вами.

Недостойная монахиня Анна.

П.С. Есть ли у Вас фотография Михаила Георгиевича? Если нет, постараюсь здесь достать».

«5.03.1991 г.

Простите, досточтимый р.Б. Олег, что так долго не писала. Ваше письмо от 7.02.91г пришло как раз в начале войны (речь идёт об операции американцев в Ираке под названием «Буря в пустыне», прим. авт.). Иерусалим специально не бомбили, но тревожная сирена будила нас каждую ночь в разное время, как только из Ирака что-то летело в Тель-Авив или Хайфу.

От нас требовали, чтобы мы заклеили какое-то помещение и укрывались там в газ-масках. Держали нас там недолго, минут 20 – 30, и по счастью ничего не случилось. Но вскакивать ночью, спешить что-то накинуть и обуться, бежать в потьмах, иногда под дождём – для моего возраста было нелегко. А мать Игуменья очень беспокоилась, чтобы все участвовали в этих тренировках.

Сейчас всё это кончилось (как будто), но последние 5 недель такой жизни теперь сказываются тяжёлым утомлением. Не до писем было. Кроме того, как я и обещала Вам, подыскала несколько фотографий, где случился в числе прочих и Михаил Георгиевич, но куда я их за это время подевала – ума не приложу. Безусловно, они отыщутся, - не так уж велики мои апартаменты, но когда – надо потерпеть.

Вот ещё и поэтому Вам не писала.

На праздник Рождества очень вспоминала генерала на клиросе: он так вдохновлялся пением, что очень мощно звучали у него слова тропаря «... и тебе /сойдёт/ с высоты Востока. Господи, слава тебе!». Вообще, он чрезвычайно одушевлялся всем церковным, а также патриотическим. И не с кем было разделить последнее – у нас почти не осталось знавших Россию. Есть русские, но происхождения все они заграничного. И всё меньше и

меньше нас. Остались 4 старухи по 85 – 86 лет каждой. Что делать, всё сходит на нет.

А что там у вас творится – не утешает. Всякий тянет своё. Партии, организации. Церковное дело тормозится бездействием Патриархии. Слава Богу, отыскались мощи преподобного Серафима! Пусть помолится о бедной стране своей.

А как сын? Крестился ли? (Ещё до меня, в Самарканде в русской православной церкви, прим. авт.) И живёт ли наконец в Москве? (Давно уже живёт, прим. авт.)

Всего доброго.

Недост. мон. Анна.

М.Анна. РОВ, 19238, Иерусалим, Израиль».

Как-то в одной из московских центральных газет я прочитал о том, что переселенцы православного вероисповедания, оказавшиеся в Израиле после их добровольного желания в СССР связать свою дальнейшую судьбу с заграницей, терпят лишения от местных властей из-за того, что не являясь евреями и иудеями по вере, не могут устроиться на работу и получить жильё. Обращаясь же за помощью к Настоятельнице Гефсиманского монастыря Игуменье Анне, находят в стенах этой обители поддержку, кров и пищу. Написал об этом Серёде, и вот какой получил разгромный ответ.

«1.06.1991 г.

Уважаемый раб Божий Олег!

Рада, что фотографии дошли до Вас. Ясно, что я на них не выгляжу на 85 лет, т.к. эти фото 20-летней давности, и значит я была моложе.

А почему бы Вам не пойти в дворники, если у них зарплата выше?

Фанаберия: дворянин и дворник? Пустяки, всякая работа честна.

Удивительно, как скоро и легко доходят до людей дикие нелепости. Ну, кому может «покровительствовать» молодая (27 лет) Игуменья малой монашеской общины, которая и сама-то существует на волоске: израильское правительство спит и видит, чтобы мы, православные, убрались или сгинули с нашим монастырём.

М. Анна из Австралии, у нас 3-й год, ещё не разобралась толком в нелёгкой ситуации (арабо-еврейской), никаких влиятельных связей у неё нет. Да откуда и быть им? Чего они там набрехали по радио и в печати!? А люди идут к нам. Что ни день – у нас постоянно ошиваются какие-то молодые типы, и все хотят из Израиля убраться в европейскую, благополучную страну. Ведь когда они заявляют, что они не евреи, их тотчас выселяют с квартир и не дают работы. Они и мотаются к нам, стоят в церкви, а потом

едят и пьют – благо бесплатно. Все просят рекомендации в другие страны. А какие же могут быть рекомендации незнакомым людям? Да и кто серьёзно воспримет рекомендацию от монашек? Иные (и даже дамы) остаются пожить у нас неделю – две, а то и месяц или два месяца, а у нас и гостиницы нет. Толкуются между сёстрами. Это ли монашеская жизнь, на которую мы сюда шли!

Вы, конечно, ничего в церковной жизни не понимаете, но зайдите в ближайший монастырь – посмотрите, что такое монах.

Пожалуйста, не давайте никому наш адрес, не распространяйте эту ужасную выдумку.

А пожелать Вы мне можете только мирной кончины и спасения души (чего и Вам желаю помимо всего прочего, т.е. счастья и всякого благополучия).

Храмы так скоро не строятся, на храм Христа Спасителя (в Москве, прим. авт.) идёт сбор средств – это ведь великое дело.

Простите, если получилось резко. Читайте Закон Божий и Новый Завет.

Молитвы следует уже знать наизусть, а пока хоть читайте утром и перед сном.

Помоги, Господе!

Гр. мон. Анна».

«22.10.1991 г

Достоуважаемый р.Б. Олег!

Никаких писем от Вас я не получала с самой Пасхи. Очень хорошо, что Вы пошли (или только собирались пойти) защищать Белый дом демократии (речь идёт о событиях 19 – 21 августа 1991 г., связанных с созданием ГКЧП, прим. авт.)

Ещё лучше, что читаете Библию, но сомневаюсь, чтобы там было всё интересно. Так это в основном история еврейского народа, т.е. места в этой книге имеют значение только в их времена и их надо просто пропустить, не читая. Да, и сами, я думаю, увидите: народы все в древности были нечистоплотны, отсюда болели безобразными болезнями, как проказа и проч. Бог давал им советы, которые теперь не имеют никакой надобности, как нет теперь ни проказы, ни чумы.

Также о построении скинии, т.е. первого листа молитвы в пустыне – нет надобности читать подробности о шестах и камнях, и кожах...

Также пропустите всю третью книгу «Левит», т.к она имела значение только в пустыне, где они, т.е. евреи, 40 лет жили.

5-я книга «Второзаконие» - это повторение предыдущего, можно тоже не читать. Книги «Царств» все интересные. А вообще христианину больше

надлежит читать «Новый Завет» в конце Библии. И не один раз прочесть, а постоянно читать, да он и в церкви читается. А книгу о богослужении видимо ещё не получили. Я её простой почтой послала.

У нас ничего интересного нет, всё то же, один день похож на другой, и слава Богу. Новости не для старых людей, а я уже старая, не всегда понимаю, почему до сих пор живу, ведь почти ничего не могу делать, больше отдыхаю. И читать много нельзя, глаза устают. Но за всё слава Богу.
С наилучшими пожеланиями.

Недост. м. Анна».

«15.11.1991г

Добрый р.Б. Олег!

Наконец раздобыла для Вас краткую биографию покойного генерала, очень хорошо составленную.

Надеюсь, вы уже распечатали свои книги и почитываете не только Достоевского. Я Вам отметила, что читать в Библии. Продолжаю относительно пророков. Читать их всех абсолютно нет необходимости (раз и так мало времени для чтения). Хорошо было бы прочесть Даниила и Ионы и их книги:

1. «Товита»,
2. «Юдифь»,
3. «Эсфирь».

И переходить на Новый Завет, который читать постоянно хоть помалу. Желаю успеха...

У нас всё ещё солнце, но приятно прохладно. Нужны дожди, но до них далеко, иногда их и до Рождества не бывает. И тогда холодно, это наша зима. Снега никогда нет, разве на 10 минут.

Привет Вашим.

Храни Господь.
Нед. м. Анна».

Это было её последнее письмо.

В 1992 году, обеспокоенный её долгим молчанием, я написал письмо Игуменье монастыря и вскоре получил ответ.

«Дорогой о Господе Ольгерд Феликсович, поздравляем Вас с Воскресением Христовым и приближающимся Праздником Вознесения.

Да благословит Вас Господь и поможет на всех путях жизни Вашей.

Сообщаем Вам, что мать Анна Середа скончалась в Бозе в прошлом году в самый праздник Богоявления. Поэтому прервалась Ваша переписка.

Что касается архива Вашего родственника Михаила Георгиевича, то, насколько нам известно, ничего у нас в обители не сохранилось. Но если что-то попадётся нам в архивах Миссии или в другом каком-то архиве на Св. Земле, то мы непременно Вам сообщим.

Храни Вас Бог.

Игум. Анна с сёстрами».

Через какое-то время я опять получил краткое письмо от Игуменьи.

«Дорогой о Господе Р.Божий Олег, получили Ваше письмо. Нам весьма приятно и дорого, что Вы храните память о матери Анне. Она, действительно, была человеком удивительным и незаурядным. После её смерти мы прочли её автобиографические заметки, которые могли бы составить интереснейшую повесть – это не только необыкновенная судьба и личность, но и картина времени – 30-е-40-е годы. Очень хотелось бы увидеть когда-нибудь эту повесть напечатанной. Быть может, Вас это заинтересует? Напишите нам. Тогда нужно будет заняться переработкой и отредактированием рукописи. Может быть, и письма, которые у Вас сохраняются, что-то могут добавить к истории матери Анны и как-то дополнить картину.

Искренне Ваши во Христе Игум. Анна с сёстрами».

Даты опять нет, а конверт куда-то затерялся.

Я тут же письменно выразил готовность принять фотокопии рукописи с автобиографическими заметками Середы, но никаких писем и рукописей я из Гефсиманского монастыря больше не получал, несмотря на мои несколько обращений к Игуменье.

Чтобы завершить повествование о Михаиле Георгиевиче Хрипунове, приведу последний документ, полученный мной от моего давнего знакомого, сотрудника Российского государственного военно-исторического архива Валерия Михайловича Шабанова, благодаря которому в значительной степени и стало возможным написание данной статьи.

«Центральный государственный
военно-исторический архив СССР.
Феликсовичу

Жемайтису Ольгерду

Кооператив «Связь времён».

26 июня 1989 г, без номера.

... Возможно, Вас заинтересует такой факт о генерале Хрипунове. В начале 1929 г. все эмигрантские издания писали о смерти вождя белой эмиграции Великого князя Николая Николаевича, скончавшегося 5 января 1929 г. в м. Антиба во Франции. 7.01.1929 г. в газете «Возрождение» (Париж) сообщалось о панихиде по Великому князю. При этом говорилось: «Почётный караул у тела день и ночь несут офицеры Атаманского полка. Во время панихиды почётный караул несли генералы Гудим-Левкович и Хрипунов, оба в парадной форме».

О маминых братьях, ГЕОРГИИ и НИКОЛАЕ.

«ВЫПИСКА
из протокола допроса ХРИПУНОВА
НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.
от 26 мая 1932 г.

Мой отец родился в Донской области, станица Усть-Медведицкая, по происхождению казак, дворянин. Учился в гимназии, потом в университете г. Киева. До 1906 г. служил секретарём окружного суда. В 1906 г. уехал в г. Варшаву на должность судебного следователя окружного суда, там служил до 1914 года.

После объявления империалистической войны пошёл добровольцем в полк Лейбгвардиатаманский, где за боевые отличия был произведён в чин хорунжего. До 1920 г. февраля месяца дошёл до чина войскового старшины. После взятия его в плен под станицей Шапсугской Кубанской области был расстрелян.

Мать – мещанка из Костромы (на самом деле дворянка, прим. авт.), до 1906 г. жила с отцом, потом развелась. Вышла замуж после развода за податного инспектора, сейчас живёт в Перми у брата.

Есть братья – 1-й брат – ГЕОРГИЙ, 33 лет, учился 3 года в Варшавской гимназии, потом перешёл в Донской кадетский корпус. После этого вышел в артиллерийское Михайловское училище, был произведён в чин прапорщика в 1918 г. в запасную батарею г. Новочеркаска. С приходом белых обратно – служил в артуправлении, с белыми отступал за Новороссийск до станицы Шапсугской в чине хорунжего. В ст. Шапсугская попал в плен в марте 1920 г. После взятия в плен был направлен в Екатеринодар в распоряжение коменданта. Под 1 мая был отправлен в Москву, из Москвы был направлен в Тульский концлагерь, из концлагеря был направлен в Свердловск, из Свердловска – в Пермь, на арткурсы, где был до конца 1921 г.

В 1922 г. начал гражданскую службу в Перми. Сейчас служит в сельхозтехникуме.

2-й брат – АНАТОЛИЙ, 29 лет, учился в Варшавской гимназии, потом в Донском кадетском корпусе, и в 1919 г. вместе с корпусом был эвакуирован в Турцию. Сейчас находится в Аргентине.

Следующие братья от второго отца:

1-й брат – МИХАИЛ, 20 лет, живёт в г. Екатеринославле в балетной опере, артист, в армиях не служил.

2-й брат – НИКОЛАЙ (Хлибкевич, прим. авт.), 18 лет, жил с матерью в Зиновьевске (Екатеринославле, прим. авт.), окончил 5 с половиной групп семилетки, вследствие плохого материального положения учебу бросил и поступил работать в музмастерскую, сейчас живёт со мной (санаторий «Подснежник», д. №5).

Есть сёстры. 1-я сестра ЕВГЕНИЯ, 27 лет (моя мама, прим. авт.) училась в Зиновьевске в гимназии, потом год в институте в Ленинграде, некоторое время в институте в Новочеркасске. Сейчас живёт в Тульчине, переписку с ней не веду.

2-я сестра – ЕВГЕНИЯ, 25 лет, живёт в Зиновьевске, связи с ней не имею.

3-я сестра – АННА (Хлибкевич, прим. авт.), 23 лет, живёт в Зиновьевске, связи с ней тоже не имею.

Есть дядя – ХРИПУНОВ ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ, но не знаю где. Последний чин был – подполковник.

Сам я – сын дворянина, в школу был отдан в 1908 г. в Бирске, проучился два года и переехал к отцу в Варшаву. Там учился год в подготовительном классе гимназии, один год в суворовском кадетском корпусе, полтора года в Новочеркасском казачьем военном училище. 15 декабря 1919 г. был произведён в чин хорунжего и выпущен в Атаманский полк, где пробыл до 15 марта 1920 г., после этого был взят в плен под станицей Шапсугская. После этого прошёл то же, что и мой брат ГЕОРГИЙ, так как были вместе до Москвы.

В Москве попал в госпиталь, пробыл два месяца, после болезни получил два месяца отпуска и был откомандирован по месту жительства в ст. Усть-Медведицкую. Тут по настоянию бабки скрыл своё воинское звание, прожив до 7 августа 1922 г. 7 августа был мобилизован во 2-й балтийский флотский экипаж, но служить по вопросу комиссии во флоте отказался, направлен на пересыльный пункт г. Ленинграда. Пересыльным пунктом направлен в распоряжение Ленинградского губвоенкомата в качестве писарского ученика. Пробыл там до осени 1923 г., после чего военкоматом был направлен в 15 ж/д батальон в местечко Стрельна переписчиком, пробыв до июля 1924 г. В феврале 1924 г. донёс политруку СОРКИНУ о том, что скрываю своё воинское звание. Помвоенкомом ФЕДОСЕЕВЫМ был допрошен и дело было направлено в ОГПУ г. Ленинграда. Допрошен был ГПУ – ревтрибуналом, и дело было передано в нарсуд. Получив полтора года

принудработ и конфискацию имущества на 100 рублей золотом, но у меня тогда ничего не было. В день суда амнистирован, мне было предложено остаться в штабе на конторской работе, но я отказался, а просил перевести меня в кавчасти. После этого демобилизовался и приехал в г. Пермь. Это было 21 июля 1924 г. С сентября 1924 по сентябрь 1925 г. служба в райнефтеторге архивариусом, журналистом, стеклографистом и делопроизводителем. С 13 сентября 1925 г. управляющим райнефтеторгом был направлен в г. Свердловск на нефтесклад делопроизводителем машинистом, переведён счетоводом и 20 октября 1927 г. по рационализации аппарата был уволен. 3 месяца был безработным, а 21 января 1928 г. биржей труда был направлен в санаторий «Подснежник» счетоводом, где и служу по настоящее время с ежегодным временным исполнением заведующим хозяйством.

Моя связь с Францией и Аргентиной следующая:

Во Франции живёт мой дядя ХРИПУНОВ МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ, от которого я получил 2 письма, в которых писал, что узнал от Анатолия, что живу в Перми, работаю в санатории. Писал о том, что он работает в мастерских по ремонту вагонов, работа тяжёлая. Ещё – его фраза, что тяжело работать на иностранцев. Живи с женой дружно. Мой ответ – служу счетоводом, материальное положение незавидное, но, несмотря на это мы с женой всегда идём на помощь друг другу. Больше разговоров ни о чём не было.

Связь с Аргентиной – там живёт мой брат, от которого через мать посылал привет и от меня тоже через мать. Матери писал о том, как добился специальности. Больше связи никакой.

Моя жена ГАЛИНА ИВАНОВНА, 31 год, дочь рабочего или мастера – она и сама не знает – окончила гимназию. Связи компрометирующей ни с кем не имеет.

Выписку составил:
Сотрудник УКГБ СССР по
Свердловской области В.А. Фёдоров

19 июня 1989 года.

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СССР
Управление по Свердловской области
08.89 г. № Ж922, г. Свердловск

Уважаемый Ольгерд Феликсович!

На Ваше заявление сообщаем следующее.

Хрипунов Николай Васильевич, 26.06.1901 г.р., ур. ст. Усть-Медведицкая Донской области, русский, беспартийный, старший бухгалтер строительства Ирбитской фабрики игрушек и культтоваров Свердловского облсобеса, проживавший в д. Рычкалово Ирбитского района Свердловской области, был арестован 31.07.37 г. Ирбитским РО НКВД на основании распоряжения УНКВД по Свердловской области. При аресте были изъяты личные документы и переписка. К настоящему времени сохранился только профсоюзный билет. Имущество и ценности при аресте не изымались. В материалах имеются данные о родственниках Хрипунова Н.В.:

- жена – ХРИПУНОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА, 36 лет, домохозяйка;
- сын (жены Хрипунова Н.В., прим. авт.) – КУЗНЕЦОВ РЕВОЛЮЦИЙ СЕРГЕЕВИЧ, 16 лет, служит добровольцем в РККА;
- дядя – ХРИПУНОВ МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ, проживает во Франции около Парижа, эмигрировал в 1920 г. с частями Деникина;
- тётя – ГОРДЕЕВА ЛИДИЯ ГЕОРГИЕВНА, проживает в Париже;
- брат – ХРИПУНОВ (по матери Хлибкевич) Анатолий Васильевич, проживает в Буэнос-Айресе (Аргентина);
- бабушка со стороны матери БОРОЗДИНА НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВНА, проживает в Португалии, Лиссабоне, вместе с дочерьми Ольгой и Софьей Николаевными;
- ХРИПУНОВ ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, 19.04.1898 г.р., уроженец той же местности, русский, беспартийный, ответственный исполнитель по учёту личного состава отдела исследований и изысканий КамГэсстроя, проживавший в г. Перми по ул. Пушкинская, 37-1, был арестован 27.07.37 г. Пермским ГО НКВД. При аресте были изъяты личные документы и различная переписка, к настоящему времени не сохранившаяся. Кроме того, были изъяты деньги в сумме 685 рублей (в настоящее время курс денег 1 : 100) и залоговая квитанция на сданные облигации госзаймов на 1640 рублей (в настоящее время курс 1 : 30), кроме того, до 30% стоимости выплачивалось при сдаче в залог). Вопрос о выплате компенсации решается финансовым управлением Пермского облисполкома, куда Вам следует обратиться.

Из родственников ХРИПУНОВА Г.В. указаны:

- жена – АННА АФАНАСЬЕВНА, 24 лет,
- дочь – Эльвина, 2 лет.

В ходе следствия Хрипуновы были обвинены в том, что они, будучи офицерами в армии Деникина, боролись против Красной Армии. Имели письменную связь с родственниками, эмигрировавшими из СССР, в письмах к которым клеветали на политику партии и Советского руководства.

Постановлением Тройки при УНКВД по Свердловской области от 13.09.37 г. Хрипуновы расстреляны.

Оба реабилитированы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.89 г., справки о реабилитации прилагаются.

За свидетельством о смерти следует обратиться в отделы ЗАГС:

на Николая Васильевича – в Ирбитский ГорЗАГС Свердловской области,
на Георгия Васильевича – в Пермский ГорЗАГС.

Родственники имеют право на получение пособия в размере 2-хмесячной зарплаты по местам работ реабилитированных, для чего следует обратиться туда с заявлениями, к которым необходимо приложить нотариально заверенные копии справок о реабилитации, свидетельства о смерти реабилитированных и свидетельство о рождении (подтверждающее родство) заявителя.

Данных о местах захоронения у нас не имеется.

Приложения: профсоюзный билет, 3 фотокарточки, 2 справки о реабилитации, выписка из протокола допроса Хрипунова Н.В. на 3 л.

Зам. начальника подразделения УКГБ А.А. Баранов».

Добившись реабилитации своих двух дядей. И на основании ответа о положенной компенсации со стороны государства за причинённый моральный ущерб родственникам репрессированных, я, узнав адрес от своей двоюродной сестры Лёли Мозгуновой своей тоже двоюродной сестры Эльвины, живущей в Перми, послал ей все полученные мной документы из УКГБ Свердловской области.

При этом меня крайне возмущала мизерная сумма компенсации, судя из приведённого выше документа и из одной из телепередач, в которой внучка раскулаченного в годы сталинского правления деда требовала за конфискованную козу не 3 рубля по государственному тарифу, а саму козу, незаконно отобранную у её деда с бабкой.

Вскоре получил письмо от ЭЛЬВИНЫ ХРИПУНОВОЙ, по мужу Тихомировой.

«Уважаемый Ольгерд Феликсович!

... Теперь о себе. Мне уже 54 года (июнь 1989 г., прим. авт.), через 9 месяцев пенсия. Двое взрослых детей: Игорь – 27 лет, Ольга – 23 года и внучка Оленька 1 годика. Ну, и, естественно, муж (ничего, но много и часто пьёт). Теперь о своих родителях. Знаю только и совершенно точно, что брак отца и матери был нежелателен со стороны Хрипуновых. Она была просто деревенская неграмотная девчонка и не под стать отцу. И никто со стороны матери ничего подробного об отце не говорили, сколько бы я ни спрашивала. Бабушка (материна мать) только и говорила с опаской, что он был ..., т.е. посажен как враг народа! Но простим её за это. Видимо, большего знать ей было не дано. Да, и дядя Саша тоже помнит только совсем не существенное. Что помню я сама? По-моему, конец лета. Приходили какие-то молчаливые люди. Дома были, кажется, все, кроме отца. Домашние отвечали, что он ещё не пришёл с работы. Потом он пришёл, все сидели за круглым столом, меня в комнату не пустили, или я сама была в коридоре под дверью. Но мне очень запомнилась суровость и молчаливость.

Потом все ушли и с ними отец. Помнится, что на нём был комбинезон тёмный. А вот прощался он со мной или нет, вот это я как-то не помню. Всё быстро произошло. Хотите верьте, хотите нет, но я запомнила этот момент. Дом стал молчаливым.

Потом прошло время, умерла тётя Аня (очень была красивая). Бабушка (Евгения Николаевна Бороздина-Хрипунова-Хлибкевич, прим. авт.) и Лёля (моя двоюродная сестра по линии Хлибкевичей, прим. авт.) уехали в Москву. Приезжала за ними тётя Женя Калабина, тоже очень красивая. Был тогда у нас и дядя Миша (мой дядя по линии Хлибкевичей, прим. авт.). Саша (сын дяди Миши, прим. авт.) уже у них был. Вот и всё. И остались мы тогда с матерью.

Что происходило дальше? Мать выла целыми вечерами. Извините, что так пишу, но это был страшный вой в пустой комнате.

Что могла рассказать мне мать про отца (умерла она в 1945 г., мне было тогда 10 с половиной лет). Я только знаю, что он был замечательный человек! Очень образованный. Маму он всему научил, что успел. Учил её грамоте, хозяйству и ... приобщил её к театру. Это совершенно точно. Мать очень любила театр, благодаря отцу. И мы ходили с ней и нас встречали по-доброму, т.е. кто его знал. И я помню эти добрые лица (отец для театра шил обувь – это было его хобби).

Ещё один эпизод помню. У нас есть в городе один старый дом. Теперь на нём мемориальная доска, на которой написано, что в этом доме проводил подпольную работу Я.М. Свердлов. А как же мой отец мог быть врагом народа, когда в этом доме жил его друг?! Фамилия у него Шутов (имя не знаю). И мы с матерью приходили к ним и они с нами очень хорошо говорили, угощали нас, чем могли. Потом, когда я уже стала старше, до меня дошло, что ведь мать справлялась у них об отце. Но они, видимо, тоже ничего не знали, где он и что с ним. Как в воду канул. Ни письма, ни весточки. Мать ждала, так и не дождалась. Замуж не вышла и не думала

выходить – очень любила его. Умерла от туберкулёза в 31 – 32 года. Меня бабушка (по линии матери Эльвины, прим. авт.) отдала в детский дом. Вот и всё, чем я располагаю. Конечно, если б мать жила дольше, то рассказала бы мне всё.

У дяди Коли (брат её отца, Н.В. Хрипунов, прим. авт.) был сын Рюрик, жена Галя. Где Рюрик теперь, не знаю. А Галя долго жила одна, гадала на рынке, очень пила и где-то пропала.

Мой адрес...

Эльвина».

В этом письме можно усомниться лишь в том, что Эльвина в 2,5 годика отчётливо запечатлела в памяти обстановку в доме во время ареста отца. Хотя сам факт увода Георгия чужими людьми в неизвестность, после которого она лишилась общения с дорогим человеком, на уровне детского подсознания мог сохраниться таким образом, что повзрослев, у неё в памяти отчётливо проявилась вся эта картина растерянности родных, суэта в доме посторонних людей и гнетущая тишина в ожидании какого-то события. Всё может быть.

Моя двоюродная сестра была названа в честь моей сводной сестры Эльвины (в 20-х – 30-х годах во многих советских семьях модно было давать иностранные имена родившимся детям). Уж очень понравилось её родителям это имя.

Как-то в 50-х годах она приезжала к нам в гости в Москву.

Тяжёлая у неё сложилась жизнь после ареста и расстрела отца и дай ей Бог сил и здоровья на долгие годы жизни!

У моей бабушки (урождённой Бороздиной) было ещё два сына: **АНАТОЛИЙ** (от моего деда Хрипунова В.Г.) и **НИКОЛАЙ** (от её второго мужа Хлибкевича А.Н.). У сводных братьев жизнь тоже сложилась не лучшим образом и в духе постреволюционных событий в России с трагическими окончаниями земного бытия.

Анатолия в эмиграции, как я уже писал, усыновила бывшая фрейлина Императрицы Александры Феодоровны, Надежда Николаевна Родигер (очевидно, вдова или родственница Военного министра при Николае 2-ом) и вместе с ней он оказался в Буэнос-Айресе Аргентины. До середины 30-х годов бабушка с ними переписывалась, они помогли нашей семье материально по линии благотворительной организации «АРА». Но в середине 30-х годов почтовая связь с ними внезапно оборвалась. Может быть, даже к счастью, ибо самоубийству подобно стало переписываться с кем-либо из-за границы.

Дальнейшая жизнь Анатолия и Надежды Николаевны нам неизвестна. По слухам, Анатолий сильно пил в эмиграции. Я как-то сделал попытку разузнать хоть что-либо об их судьбе по линии Православной церкви – один мой знакомый из Отдела внешних церковных сношений Русской православной церкви сообщил мне адрес одного аргентинского церковного

иерарха в Буэнос-Айресе, но мне из далёкой Южной Америки ответили, что данными о них они не располагают.

Плохо кончил жизнь Николай Хлибкевич. В возрасте 18 лет от безысходности и неудовлетворённости жизнью он в санатории «Подснежник» в Перми, где работал завхозом, повесился.

Намного более благополучными оказались судьбы всей женской половины бабушкиного хрипуновского потомства. Все дочери в связи с замужествами сменили фамилии в молодом возрасте. А благодаря замалчиванию о своих «преступных классово чуждых победившему пролетариату» родственниках, сгинувших во время гражданской войны и сталинских лагерях, выжили в жестоком советском мире и дали жизнь и воспитание всем своим детям.

Дочь бабушки от её второго брака Анна Хлибкевич в молодом возрасте оставила после своей кончины в 30-х годах свою дочь Ольгу (Лёлю), которая в 40-х годах вышла замуж за слушателя Академии бронетанковых войск Мозгунова Алексея Васильевича, фронтовика и будущего генерала. От него она родила двух дочерей Алёну и Ирину, живущих в настоящее время в Санкт-Петербурге и с которыми я поддерживаю постоянную связь. У них уже стали взрослыми все их внуки и внучки. Иногда приезжаем друг к другу в гости. Чаще общаемся по телефону.

Сестра моей мамы, тётя Женя Хрипунова-Калабина, выйдя первый раз замуж в Елизаветграде за будущего старшего бухгалтера Автомобильного завода имени Молотова в г. Горьком Музыко Владимира Платоновича, вскоре родила сына Василия. Который с началом Великой Отечественной войны добился через военкомат отправки на фронт добровольцем, несмотря на юный возраст, где и погиб в 1943 году под Куцеволовкой при форсировании Днепра и освобождении Киева от немецко-фашистских захватчиков.

После развода с Музыко тётя с сыном на руках вернулась в Москву, жила какое-то время у своей сестры (моей мамы) и вскоре вышла замуж за будущего подполковника Калабина Игоря Константиновича, от которого родила в 1948 году дочь Татьяну и прожила долгую интересную жизнь, скончавшись в 95-летнем возрасте в Москве в 2001 году. Дядя Игорь умер в 1987 году.

У моей мамы, Евгении, тоже удачно сложилась жизнь. В начале 20-х годов в Кировограде она вышла замуж за котовца героя гражданской войны (имел два ордена «Красного Знамени» по представлению самого Котовского) Тукса Альфреда Мациевича, который в 1932 году был направлен на учёбу в Москву в Академию имени Фрунзе. Обучаясь в академии в 30-х годах, познакомились с преподавателем этой академии, моим будущим отцом комбригом Балтушис-Жемайтисом Феликсом Рафаиловичем. В 1936 году мама, овдовев (Тукс умер от воспаления лёгких) и имея на руках дочь Эльвину 1925 года рождения, вернулась из Каменец-Подольского Украины, куда её первый муж в том же 1936 году получил назначение после окончания академии по первому разряду, в Москву и вскоре вышла замуж за Балтушис-

Жемайтиса Феликса Рафаиловича, активного участника гражданской войны на стороне красных в России и в Литве и будущего генерала, который после развода с первой женой Ефросиньей имел сына, будущего подполковника Жемайтиса Станислава Феликсовича (1926 – 2001 гг).

Прожила с отцом долгую жизнь до его кончины в 1957 году. Родила от него двух сыновей: Балтушис-Жемайтиса Феликса Феликсовича (1939 – 1960 гг), будущего выпускника Горьковского военного училища техников связи, лейтенанта, и меня в 1944 году, будущего выпускника Коломенского артиллерийского училища подполковника Жемайтиса Ольгерда Феликсовича. Мамы не стало в 1984 году на 80-ом году жизни. Отец, Эльвина и Феля похоронены в одной могиле на Новодевичьем кладбище Москвы.

Удачно сложилась жизнь у ещё одного сына бабушки, Михаила Александровича Хлибкевича, родившегося в 1911 году. Он стал довольно известным артистом Ростовской филармонии. От него и его жены Елены Ивановны (Коваленко), тоже ростовской артистки, в 1941 г. родился мой двоюродный брат Саша, который в настоящее время проживает в Москве и с 1963 года является артистом знаменитого Театра им. Вахтангова. С ним и его женой Кирой наши семьи по сей день поддерживаем хорошие отношения. Их сын Александр стал юристом.

Бабушка Евгения Николаевна после войны вместе с внучкой Ольгой переехали из Перми в Москву, поближе к своим дочерям и родственникам, поселившись в бывшей школе в переулке Обуха,3. Лучшей подругой бабушки являлась продолжательница рода князей Голицыных, Маклакова, жившая в конце 40-х годов в деревянном доме на Зубовском бульваре, и известная по рассказу Ираклия Андроникова «Загадки НФИ» (в настоящее время в этом квартале на месте снесённых деревянных домов стоит здание АПН).

У этой княжны судьба оказалась схожей с бабушкиной. Все сыновья Маклаковой в 30-х годах кончили жизнь плохо: кто наложил на себя руки, кто попал под вал репрессий. Судьбы же дочерей тоже оказались схожими. Все они, выйдя замуж и сменив фамилию, остались на плаву, продолжив свой российский, знаменитый род.

Бабушка умерла в 1949 г. и останки её покоятся на Ваганьковском кладбище столицы вместе дядями Мишей и Игорем, тётями Женей и Леной и другими нашими родственниками.

ПОЛКОВНИК ГОРДЕЕВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ (1886 – 1972 гг)

Очень интересной сложилась жизнь у сестры моего деда, ЛИДИИ ГЕОРГИЕВНЫ ХРИПУНОВОЙ.

Выйдя замуж за будущего белоэмигранта, писателя, полковника ГОРДЕЕВА АНДРЕЯ АНДРЕЕВИЧА, она прожила с ним долгую жизнь на чужбине и, я думаю, есть смысл более подробно остановиться на этой паре, в основном, на

описании жизненного непростого пути Андрея Андреевича, документального материала на которого в моём домашнем архиве скопилось достаточно, чтобы изложить его на этих страницах. К тому же я долгое время переписывался и встречался с его сыном архитектором Владимиром Андреевичем, жившем во Франции вместе со своей супругой, дочерью тоже белого офицера-эмигранта Ариадной Николаевной, до самой их кончины: Ариадны Николаевны в 1998 году, Владимира Андреевича – в 2001-ом. Оба они скончались в возрасте 77 лет.

Вот краткая родословная памятка рода Гордеевых (из личного архива Владимира Андреевича Гордеева).

«Примерно в половине 18-го века, в царствование Императрицы Екатерины Великой, Пётр Петрович Гордеев переселился из Черниговской губернии в Донскую область и поселился на Северном Донце, в городе Митякино. С этого времени родословная Петра Петровича в списках Черниговского дворянства прекратилась, но в 1794-ом году Пётр Петрович в чине майора был занесён в первый список донского дворянства и представлен в Отдел рода Гордеевых на Дону. У него был сын Аким.

Родословная потомков Петра Петровича на Дону

Аким – Семён – Руф (родился в 1820 г.) – Андрей (род. в 1848 г.) – Пётр – Илья – Фрол – Андрей (род. в 1886 г.) – Владимир (род. в 1924 г. в Париже).

Дополнительные сведения

Аким Петрович под именем Гордеева первого в войне против Наполеона командовал полком донских казаков.

Семён Акимович в молодые годы был убит на войне или умер, оставив сына Руфа и дочь сиротами.

Руф Семёнович с сестрой не имели средств и должны были в детстве устраивать жизнь собственными силами.

Судьба сестры Руфа не известна. Он был произведён в чин офицера после длительной службы на Кавказе. Выйдя в отставку в чине хорунжего, был награждён участком земли в 200 десятин. Женился на девушке из казачьей семьи Уфимии Семёновне, переселился из Микятина в Усть-Медведицкий округ. Основался в доме жены навсегда, на хуторе Большом.

Старший его сын Андрей был женат на казачке из простой семьи Евдокии Ивановне, урождённой Макевниной. Окончил Тверское кавалерийское училище и в 1894 г. без пенсии вышел в отставку в чине есаула.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ окончил военное училище и ко времени революции был в чине есаула. В течение трёх лет гражданской войны был произведён в чины войскового старшины и полковника. Женат был на **ЛИДИИ ГЕОРГИЕВНЕ**, урождённой **ХРИПУНОВОЙ**, дочери подполковника в отставке **ГЕОРГИЯ ЗАХАРОВИЧА ХРИПУНОВА** и его жены **ИРИНЫ МАКСИМОВНЫ**, урождённой **МИХЕЕВОЙ**».

С Владимиром Андреевичем и его супругой Ариадной Николаевной я познакомился в августе 1991 г. в Москве в гостях у тёти Жени Калабиной. В столицу они тогда приехали по приглашению российского правительства на Конференцию эмигрантов-соотечественников с группой русских эмигрантов во главе с известным меценатом, очень много сделавшим в деле возвращения российских культурных ценностей, оказавшихся за границей, в Россию бароном из Лихтенштейна фон Фальц-Фейном, семья которого в 1918 году в полном составе эмигрировала из России в Германию.

Владимир Андреевич и Ариадна Николаевна ко дню своего первого визита в Москву находились уже на пенсии, а Ариадна Николаевна, владевшая частной лабораторией в Нанте по исследованию морфологии опухолей у больных людей, передала эту лабораторию своей дочери Анне.

Оба они несмотря на пожилой возраст, были довольно состоятельными людьми, имели две шикарные квартиры: одну в Нанте, вторую в Париже с видом на Эйфелеву башню, - и дом с землёй на каком-то острове в Атлантике.

Летом 1994 года я целый месяц гостил у них во Франции (см. статью в Интернете «Родня из Франции», прим. авт.). Видел рукописи воспоминаний Андрея Андреевича Гордеева, но все мои попытки заполучить копии этих воспоминаний оказались тщетными – дальше обещаний «в самое ближайшее время передать их мне для публикации в каком-нибудь московском журнале» дело не продвинулось.

Благодаря дружбе с Гордеевыми, я многое узнал про жизнь Андрея Андреевича. Вот его краткая биография, данные из личного архива Гордеевых.

«А.А. Гордеев родился в 1886 г. на Дону, в Усть-Медведицком округе, на хуторе Большом, где дед его Руф Петрович, долго служивший на Кавказе и вышедший в отставку в чине хорунжего, получил в награду участок земли в 200 десятин.

Его прадед Пётр Петрович Гордеев в 1794 г. был занесён в список дворянства в чине майора и представлен в отдел государственной геральдии. Им было положено основание рода Гордеевых.

Андрей Андреевич окончил военное училище и ко времени начала революционных событий служил на фронте в чине есаула. За храбрость на фронте был награждён орденом «Святого Георгия» с золотым оружием.

За 3 года гражданской войны он был произведён сначала в чин войскового старшины, а затем в полковники.

С оружием в руках он отступал через Кубань до Грузии и был вывезен с уцелевшими собратьями на греческий остров Лемнос.

В 1923 г. он приехал в Париж, где прожил почти до самой смерти.

Женат был на Лидии Георгиевне, урождённой Хрипуновой (1896 – 1968 гг), дочери подполковника в отставке Георгия Захаровича, который был расстрелян в Усть-Медведице в 1919 г. большевиками.

В Париже Андрей Андреевич работал не только чтобы прокормить семью. Получив диплом землемера-топографа, он окончил курс военной науки академического отдела генерала Головина, издал «Историю казаков» в 4-х частях, статьи о казачестве и очерки о домонгольской Руси.

Умер Андрей Андреевич Гордеев в 1972 году и похоронен с супругой на кладбище Сент Женеьев де Буа около Парижа».

Надо добавить, что книга А.А. Гордеева «История казаков» в конце 90-х годов наделала много шума у историков, в том числе и по вопросу «Новой хронологии Руси». Такие историки, как: Фоменко, Носовский, Бушков, - в своих трудах приводили много цитат из неё в поддержку своей выдвинутой гипотезы, перекраивавшей всю классическую историю России до Петра 1-го. И если учесть, что до Петра 1-го мы всю свою историю в основном знаем по воспоминаниям иностранцев, навещавших Московию и Русь, то не исключено, что Гордеев при написании своей книги использовал не доступный для наших историков материал.

«ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АРХИВНАЯ СЛУЖБА РФ,
119817, г. Москва, ГСП,
ул. Б. Пироговская, 17
№ 859-Т (Без даты. Прим. автора).

УВАЖАЕМЫЙ ОЛЬГЕРД ФЕЛИКСОВИЧ!

На Ваш запрос сообщаем, что в ГА РФ имеются следующие сведения о Годееве Андрее Андреевиче:

1. Родился в 1886 г. (Ф. 5383/штаб 16-го Донского казачьего конного полка – фонд передан в РГВА/, оп.1, д.1, л.42, Ф.6711, оп.3, д.55 ч.1, л.710, д.62, лл.106, 155 об., 180).
2. Сын есаула Войска Донского станицы Усть-Хопёрской.
3. Вероисповедания православного.
4. Женат. Имя жены – Лидия Георгиевна.
5. Общее образование – домашнее (Ф. 6711, оп.3, д.62, лл.106, 180).
6. Поступил на службу в 3-й Донской казачий Ермака Тимофеевича полк

в 1908 г.

7. Окончил Виленское военное училище и произведён в чин хорунжего в 1914г
8. Зачислен по мобилизации в 37-й Донской казачий полк младшим офицером 04.08.14 г.
9. За бой 27 августа награждён орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость».
10. За бои с 23 по 28 ноября 1914 г. награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.
11. За бои в декабре 1914 г. награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.
12. За бои в апреле 1915 г. награждён орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.
13. За бой 3 июня 1915 г. награждён орденом Георгиевского оружия.
14. 19 июля 1915 г. произведён в чин сотника.
15. За бой 15 мая 1916 г. награждён орденом Св. Станислава с мечами.
16. Произведён в чин подьесаула 19 июля 1916 г. со старшинством с того же числа.
17. За бои в октябре 1916 г. награждён орденом Св. Анны с мечами.
18. Назначен командиром 2-й сотни 37-го Донского казачьего полка 17.05.17 г.
19. Прибыл в слободу Михайловку в составе полка 15.01.18 г. и по расформировании полка уволен в запас 01.02.18 г.
20. Выступил против большевиков в составе восставших казаков 04.05.18 г., назначен командиром отряда.
21. Назначен помощником командира 16-го Донского казачьего полка 13.07.18 г. (Ф. 6711, оп.3, д.62, лл. 106 – 107).
22. Произведён в чин есаула 13.09.18 г.
23. Назначен командиром 16-го Донского казачьего полка 04.10.18 г. (Ф. 3114/ Управление полевого контроля Добровольческой армии – фонд передан в РГВА/ оп.1, д.40, л.3, ф.5383, оп.1, д.1, лл.265 – 280; ф. 6711, оп.3, д.62, л.107).
24. Ранен и эвакуирован на лечение 23.01.19 г.
25. Произведён в войсковые старшины со старшинством 17.12.18 г.
26. Назначен штаб-офицером для поручений в Усть-Медведицкое окружное управление 07.05.19 г.
27. Назначен и.д. помощника Усть-Медведицкого окружного атамана 17.06.19г.
28. Назначен командиром Усть-Медведицкой сводной бригады 18.08.19 г.
29. Произведён в чин полковника со старшинством с 29.09.19 г.

30. По переформировании зачислен в 4-й Донской корпус 19.11.19 г.
31. Назначен командиром 17-го Назаровского полка 23.01.20 г.
32. По прибытии в Крым частей Донского корпуса назначен командиром 4-го Назаровского полка 01.05.20 г.
33. Ранен и эвакуирован 13.06.20 г. (Ф. 6711, оп.3, д.62, лл.107 – 107об).
34. В 1921-22 гг состоял в офицерской сотне 3-го Донского атаманов Каледина и Назарова полка, был членом суда чести гг. Казанлык, Стара-Загора (Болгария) (Ф. 5928, оп.1, д.133, л.4об; Ф. 6037, оп.1, д.10, л.74; Ф. 6038, оп.1, д.14, л.82; Ф. 6269, оп.1, д.6, л.2; д.34, л.21; Ф. 6711, оп.1, д.11, л.81; Ф. 6711, оп.3, д.62, л.155об.).
35. В 1925 г. состоял в Донском офицерском резерве, находился в Париже (Ф. 6711, оп.1, д.233, л.21).
36. В 1931 г. окончил высшие военно-научные курсы генерала Головина (Ф. 5945, оп.1, д.4, л.90об).

Сведений о дальнейшей судьбе Гордеева А.А. не обнаружено...

Зам. директора архива А.И. Барковец
Зав. архивохранилищем Л.И. Петрушева».

В моём домашнем архиве имеется копия наградного листа на хорунжего 37-го Донского казачьего полка Андрея Гордеева с надписью на титульном листе «вне нормы, за особое отличие» с описаниями подвига Гордеева за подписями: подполковника Богаевского, поручика Березняка, подполковника Медведкова.

Приведу одно из них.

«ПОКАЗАНИЕ (Высочайший приказ 4 августа 1916 г. ЦГАОР)

Командира 4-го батальона 57 пехотного Модлинского Генерал-адъютанта Корнилова полка подполковника Богаевского о действиях Хорунжего 37-го Донского казачьего полка ГОРДЕЕВА в арьергардных делах 3 и 4 июня 1915 года.

3-го июня полк наш, находясь в арьергарде во время отхода частей 15 пехотной дивизии от д. Бонув к д. Вышенька-Велька, подходя к д. Гнойно, получил приказание задержать противника не менее 2-х часов для того, чтобы дать возможность колонне главных сил пройти со своей артиллерией через очень крутой песчаный перевал, сильно задерживавший движение. Выполнив эту задачу, арьергард свернулся, чтобы продолжить движение и дальнейшее задержание противника было возложено на ½ сотню казаков 37-го Донского казачьего полка под командой Хорунжего ГОРДЕЕВА – до тех

пор, пока и аррьергард не минует крутой песчаный перевал. Для чего Хорунжему ГОРДЕЕВУ Начальник аррьергарда приказал занять позицию у д. Чаплынь.

Вскоре Хорунжий ГОРДЕЕВ заметил колонну противника силою в 3 эскадрона с небольшими частями пехоты. Открыв огонь, Хорунжий ГОРДЕЕВ донёс Начальнику аррьергарда прося поддержки. Но так как по местным условиям разворачивать здесь пехотные части было очень затруднительно, то Начальник аррьергарда приказал Хорунжему ГОРДЕЕВУ: «Ни в коем случае не допустить противника приблизиться к аррьергарду и оставаться на своём месте, пока последние части аррьергарда не пройдут через песчаный перевал».

Два эскадрона противника спешили, а один пошёл севернее д. Чаплынь к д. Гнойно, т.е. во фланг аррьергарду, перевалившему через песчаные бугры. Однако умелыми действиями и отчаянной решимостью Хорунжий ГОРДЕЕВ достиг того, что заставил и этот эскадрон спешиться и остановиться на месте. Несмотря на то, что левый фланг подвергался большой опасности, Хорунжий ГОРДЕЕВ в течение двух часов задерживал натиск значительно превосходящих сил противника и отошёл только тогда, когда разъезды противника оказались у него в тылу.

Не теряя присутствия духа, с присущей ему лихостью, идя во главе полусотни, Хорунжий ГОРДЕЕВ проложил себе дорогу холодным оружием, явно подвергая свою жизнь опасности. Вечером того же числа на его долю выпала опять трудная задача заполнить сторожевым охранением прорыв около двух вёрст, образовавшийся на временных позициях между Модлинским и Брестским полками. Противник три раза пытался сбить посты казаков, но каждый раз благодаря находчивости и разумной распорядительности Хорунжего ГОРДЕЕВА, попытки эти оканчивались неудачно.

Наконец, в ночь с 3-го на 4-е ему же было поручено задерживать неприятельские разъезды, висевшие на плечах аррьергарда, когда последний отходил к д. Вышенька-Велька. Эта задача, как и две предыдущие, были выполнены Хорунжим ГОРДЕЕВЫМ блестяще: не раз ему приходилось атаковать сильные разъезды и отбрасывать их на приличное расстояние. Вообще, за два дня столь трудного перехода деятельность Хорунжего ГОРДЕЕВА, не щадившего своей жизни, была выше всякой похвалы и принесла несравненную услугу аррьергарду.

Подполковник Богаевский».

Изучая биографию А.А. Гордеева, я как-то в статье «Воспоминания и встречи» Д. Воротынского в журнале «Дон» (№№ 1 – 2 за 1992 г.) на стр. 89 прочёл, что знаменитый донской писатель Фёдор Дмитриевич Крюков, которому многие историки и литературоведы приписывают авторство «Тихого Дона» Шолохова, имел также имя Иван Гордеев. Имея на руках

копии листов дела из Российского государственного исторического архива Санкт-Петербурга с родословной рода Гордеевых, мы с Владимиром Андреевичем так и не смогли разгадать эту очередную загадку писателя, касающуюся его происхождения и родства по линии Гордеевых. Тем более, если известно, что родился Фёдор Дмитриевич в станице Глазуновской и учился в духовном училище в Усть-Медведице (ныне г. Серафимович), откуда происходят почти все Гордеевы.

В моей домашней библиотеке хранятся копии статей А.А. Гордеева из различных русских парижских журналов, свидетельствующих о глубоком знании автором истории России и его предвидении современных оценок нашей действительности. Не исключено, что когда-нибудь его имя займёт достойное место среди всех известных донских писателей начала и середины 20-го века.

Заканчивая белогвардейскую тему, я не могу обойти молчанием жену Владимира Андреевича, Ариадну Николаевну, с которой на протяжении 7 лет до самой её кончины я поддерживал письменную и телефонную связь. Неоднократно виделся с ней в Москве и во Франции, где она с мужем организовали мне интереснейшую экскурсию по этой удивительной и красивейшей стране мира. Почти полный месяц я восхищался красотами Парижа, Ангулема, Нанта, побережья Атлантики, соприкасаясь с жизнью и историей Франции, с её европейским величием.

Родилась Ариадна Николаевна в 1921 г. в эмиграции. Её отцом являлся Донцов Николай Александрович, из послужного списка которого (хранится в ГАРФ) известно, что на январь 1921 г. он служил в звании поручика в радиотелеграфном отделении при штабе 1-го армейского корпуса Русской армии, дислоцированной в Болгарии. Вскоре убыл в Австро-Венгрию (так в документе) к родственникам.

Мать Ариадны Николаевны – Элеонора Эдуардовна, урождённая Вааг. Её отец Эдуард Вааг до революции владел в Москве 3-мя заводами, но последние годы жил в Одессе, где также являлся крупным промышленником. Род Вааг уходит корнями к одному голландскому офицеру, взятому в плен в Полтавской битве, которому так понравилась Россия с её необъятными просторами, неограниченными возможностями и дешёвой рабочей силой, что он решил остаться в ней навсегда.

Я приведу здесь одно письмо Ариадны Николаевны, адресованное мне, без каких-либо правок, с сохранением стилистики оригинала и манеры изложения своей родственницы-француженки с русским происхождением.

«Нант, 19.12.1992 г.

Дорогой Гера!

... Сколько вспоминаю благодаря Вам, детство, молодость, любовь родителей. Мне Господь много помог в жизни, много дал... Я долго

вспоминала моих родителей и брата. К сожалению, когда молод, прошлым не интересуешься, а позже уже слишком поздно. Мать любила рассказывать про свою семью. И всё, что я помню, я Вам напишу. Со стороны отца я мало что знаю. Он был работающий человек, оптимист, глубоко верующий, и он меня очень крепко любил, а я в ответ бывала дерзкой. Родители были очень гостеприимные. Папа любил петь, в карты играть. Пока мы жили в Париже или под Парижем, к отцу часто приходили друзья, мама умела делать пироги и делала их с удовольствием. Общество у нас было русское, ибо французы отца и мать не принимали, для них они были «отвратительные иностранцы». А нас, детей, принимали.

Я с малых лет училась в гимназии и имела верных подруг, которые отвечали на мою дружбу и меня с братом принимали, тем более, когда их родители – французы нас считали хорошо воспитанными и имели к нам некоторую жалость.

Начну Вам рассказывать мои воспоминания об отце...

Папа, Николай Александрович Донцов, родился в Одессе 17.(29).12.1892 г. Его отца звали Александр Тимофеевич, который родился в 1860-ом году. Матерью его была Пелагея Васильевна Ефимова (1875 г.р.).

Мой папа окончил 5-ю гимназию в Одессе и Алексеевское военное училище в Москве. Его отец был купцом.

Отец имел брата Андрея, монархиста, которого в начале революции расстреляли. Дедушка, конечно, всё потерял и кончил жизнь, подметая дворы. Он имел 5 душ детей. Папа был вторым сыном, имел брата (дядю Шуру) и трёх сестёр: Анну, Евгению и Марию. Тётя Анна, которая была старшая, осталась в Одессе с родителями и я не знаю, кто был у неё муж. Она имела одного сына Сергея, который был более меня хулиган (по рассказам мамы).

Если Вы сможете когда-нибудь узнать про Донцовых из Одессы, я Вам буду очень благодарна.

Жили мы до революции хорошо, была в доме прислуга. Но дедушка будто бы был скупым и всегда с содроганием ждал, когда из гимназии, где учились его дети, требовали плату за обучение.

Бабушка была глубоко верующая и я знаю, что на Пасху готовила всегда куличи.

Когда папа кончил гимназию, он решил пойти в Военное училище, а его отец был этим очень недоволен. Его очень порадовало решение второго сына поступить на медицинский факультет, и он хорошо одевал этого сына. Мама говорила, что папа решил стать военным из-за формы. Папа кончил училище в последний нормальный выпуск, началась война и папа попал в Самсоновскую армию, и в сражении у озера /Припят/ попал в плен. Он был в Германии 3 года, до Брест-Литовского пакта. Немцы в то время русских офицеров присоединили к другим пленным офицерам (французам, англичанам) и папа очень подружился с одним англичанином, оба имели один день рождения.

Мама в то время считалась невестой папы. Я смеялась над папой, т.к слышала, что только славяне способны на изучение иностранных языков. А его друг англичанин быстро выучил русский язык в плену...

Когда папа вернулся из плена, уже шла гражданская война. Он записался в Белую армию, в которой служил радиотелеграфистом. Он думал по окончании войны опять взяться за учёбу, чтобы стать инженером. Но это так и осталось только мечтой.

В апреле 1919 г. мама и папа повенчались. С подходом к Одессе красных брат папин и сестры, кроме старшей сестры, решили эвакуироваться в Бессарабию. Мама до этого уже один раз уезжала в Турцию, но вскоре вернулась назад и в 1920-ом году выехала к отцу в Галлиполи уже беременной, не зная, где в это время находился папа. И когда пароход подплыл к Галлиполи, один офицер, увидев пароход и маму в нём, сказал: «Я Донцов». Оказалось, что это был папа. Так они совершенно случайно нашли друг друга. А до этой встречи папа в 1920 году в ноябре покинул Крым с армией Деникина-Врангеля, когда вся армия эвакуировалась из Крыма. Папин брат предлагал маме уехать с ним в Бессарабию, но мама отказалась под предлогом, что у неё предчувствие и она найдёт отца в Галлиполи. Из Галлиполи вскоре она с отцом поехала в Грецию, в Салоники. Русских там устроили в бараках, которыми до них пользовались французские солдаты. Я там родилась в марте 1921 года. Папа работал механиком и шофёром у одного грека, очень богатого, у которого жена была немкой. Она полюбила мою мать, которая говорила по-немецки (её мать была немка, саксонка, но я об этом напишу в другом письме). Когда родители решили меня крестить, мать-протестантка решила меня крестить в свою веру, но мадам

/Хабриказоро/ сказала, что ребёнок должен быть той религии, что и отец, чтобы он лучше понимал своего ребёнка. А мать и без этого всегда поймёт своё дитя. Эта гречанка была моей крёстной матерью, и я всегда ношу золотой крестик на себе, который она при крещении мне подарила.

В 1947 или 1948 гуду, работая в больнице в большом хирургическом отделении в Париже, к нам пришёл один хирург-врач, грек из Салоник, и, когда я ему сказала, что

/Хабриказоро/ является моей крёстной матерью, он мне ответил, что она много помогала всем нуждающимся, но когда коммунисты пришли к власти, они её жестоко убили. Пусть Господь милосердный её приютит!

Мой брат Николай родился там же в декабре 1923 года. Но родители не хотели оставаться в Салониках, т.к. мама сильно болела малярией.

Мама имела богатую тётю в Австрии и она ей написала, попросив принять её семью. Так отказалась и, как многие эмигранты, они всей семьёй решили уехать во Францию. В 1924 году все мы приехали в /Марлиль/. Нас опять устроили в бараке, где было полно крыс, которые по ночам ползали даже по спящим людям.

Они воспользовались случаем поехать в Лотарингию работать на заводе, где были доменные печи. Прожили там несколько лет в маленькой деревне, а потом переехали на периферию большого города Мец. А до этого мама заболела, долго лежала в больнице и нас, детей, взяла к себе одна женщина, которая, конечно, по-русски не говорила, а только по-немецки. И мы с братом начали говорить по-немецки, но, конечно, вскоре забыли этот язык. В Меце, когда работали родители, мы с братом в течение дня находились в приюте, а вечером родители нас забирали. В этом городе они приобрели кое-каких друзей и им много помогал духовно один протестантский пастор, но родители мечтали уехать в Париж, зная что в этом городе есть большая русская колония..

До 30-го года папа устроился в Париже и вскоре нас всех вызвал к себе. Родителям тяжело было. В 20-х годах тяжело было эмигрантам.

Я помню, вначале мы жили в одной комнате у одной русской дамы, имевшей целый дом. Она себе оставляла несколько комнат, а все остальные сдавала. Эта дама брала главным образом холостяков. Мы у неё остались на короткое время, и вскоре мама нашла в окрестностях маленький домик.

Главная цель родителей – дать высшее образование своим детям. Я училась в гимназии, где образование в то время было платное. Нико, мой брат, был в то время в коммунальной школе, бесплатной за учёбу. В то время все гимназии были или для девочек или для мальчиков. А для мальчиков гимназия находилась слишком далеко, до неё надо было ехать поездом.

В то время папа работал слесарем-механиком в /Билланкосте/ на заводе Рено, и чтобы мы, дети, могли получить в будущем все права во Франции, папа попросил французское подданство. Мама была против. А все права можно было получить только после 10 лет французского подданства. Но в то время надо было очень долго ждать, чтобы получить подданство и к 31 году папа потерял место, но благодаря его стараниям в ателье папа получил место в гараже в центре Франции в /Аогю/. Мы там прожили до Нового года. Для родителей это было очень тяжело, и они там были очень одиноки. Я жила в пансионе, а Ника дома и учился в коммуналке. Папа работал в частном гараже, и хозяин хотел его эксплуатировать как можно больше. Он хотел, чтобы Ника в гараже делал всякие маленькие работы вместе со своей мамой. Но папа ему заявил, что он работает один в гараже, а не его семья. А т.к. папа был очень хороший рабочий, то хозяин замолчал. Но у них была зависть, почему я учусь в пансионе в гимназии, а не в профессиональной школе или не учусь шитью, к которому мама научилась ещё в Париже. И в этом маленьком городке (2000 жителей) шила платья и пальто для дам, жён врачей и нотариусов.

На Пасху, помню, мы слушали на плохом радио, который нам одалживал один папин коллега, передачу Пасхальной службы из /Рю Дерн/, нашей главной церкви в Париже.

В то время было сильное социалистическое течение, выступавшее против церкви. Ника одно время по четвергам шёл к священнику-католику, который

собирал мальчиков, чтобы с ними заниматься и однажды его учитель коммунальной школы заявил ему: «Если ты будешь продолжать ходить к священникам, ты не получишь аттестат по окончании школы».

В этой деревне со мной в гимназии училась девочка, ставшая моим лучшим другом, глубоко верующая, работающая. Её мать была учительницей младших классов в этой деревне, а её отец жандармом, не имевшим права из-за профессии ходить в церковь. Я не страдала от этого положения. В пансионе имела хороших подруг, и по воскресеньям некоторые семьи меня брали к себе. Родителей я видела на Рождество, на Пасху и на большие каникулы. Когда я к ним приезжала, то родители старались готовить мне хорошую пищу.

Один раз в месяц мама приезжала в город, где находилась гимназия. Она имела право на бесплатную поездку и весь день гуляла по городу, чтобы увидеть меня 1 час.

Мэр, депутат-социалист, заинтересовался отцом и нашёл, что такой честный человек и его семья заслуживают стать французами и в 1936 году папа и мама получили французское подданство, а следовательно и их дети. Как только папа получил французское подданство, он сейчас же уволился с работы в гараже и поехал в Париж. В то время иностранцы не имели права переезжать из одного города в другой. Мы ещё с мамой прожили на старом месте несколько летних месяцев и, когда папа нашёл в Париже службу, мы поехали к нему.

Благодаря тому, что мы жили в провинции, мы там были близко к природе, много ходили, купались в маленькой речке, дети имели много свободы, а для детей это было очень важно. Но для родителей такая жизнь была в тягость. Они были очень одиноки. К тому же к этому времени прекратилась переписка с Россией.

Закончу рассказ о нашей жизни в будущем письме. Папе тогда оставалось прожить только 7 лет. Он умер 24 декабря 1945 года».

Вот такая жизнь была в эмиграции у Ариадны Николаевны и у её родителей. Как как-то сказала певица Большого театра Галина Вишневская: «Эмиграция не сладкий мёд!».

На этом я заканчиваю своё повествование о родственниках по линии моей мамы, ибо исчерпал все основные имеющиеся у меня на руках документы. Но многие белые пятна в жизни и службе Хрипуновых и Гордеевых дают мне право на оптимизм, а значит и на продолжение исследования по мере раскрытия возможно новых фактов из биографий моих близких. Существенным дополнением к которым послужили воспоминания моей тёти Жени Хрипуновой-Калабиной, о которых я говорил выше. Рад, что за несколько лет до её кончины сумел заинтересовать сестру моей мамы и затем опубликовать статью по всем её письмам ко мне в Вологду, где я проходил последние два года своей службы с 1988 по 1990-е годы. Существенно обогатив тем самым летопись нашей фамилии. И дополнив её биографическими данными и мемуарами моего отца на страницах «Военно-

исторического журнала» (№6 за 2005 г.) в статье «Первый бой 16-й Литовской стрелковой дивизии», журнала «Вопросы истории» (№4 за 2003 г.) в статье «Восстание в Шяуляе в начале 1919 г. и судьба его руководителя» и других московских изданий.

А также разместив несколько десятков своих статей в Интернете («Военно-исторический форум-2», Личные страницы членов Союза славянских журналистов).

И по мере сил выполнив наказ академика Лихачёва, как-то хорошо сказавшего: «Чти родителей своих и сохраняй их духовное наследие». И не важно, кто у тебя родители или предки – генералы или простые солдаты, учёные или колхозники, министры или рабочие. Любой гражданин должен знать свою родословную. В этом и состоит его главное отличие от раба или «Ивана, не помнящего родства».

И, наконец, последнее. Как известно, любые знания рентабельны, в том числе и в области истории. А в доказательство того, что каждый человек должен вносить свой посильный вклад в её копилку, на мой взгляд, хорошо служат слова Ленина из его незаконченной работы «СТАТИСТИКА И СОЦИОЛОГИЯ» (ПСС, т. 30):

«... Надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно. Что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится субъективная стряпня для оправдания, может быть, грязного дела».

И как гимн всему истинно русскому офицерству, неважно белому, красному, зелёному, власовскому, советскому или какому другому, при одном только условии, что вся жизнь их была посвящена служению России, хочется напоследок привести стихотворение князя Кудашева.

БАВАРИЯ, 1946 г.

ЭТАКИХ МЫ ИЩЕМ

Когда дымились стены городов
И факелом пылали эшелоны
Из лазаретов - от большевиков
Брели на Запад раненых колонны.
На сером небе, видимо, пилот
Не опознал значительней добычи...

Казалось на земле, что время не идёт,
Казалось людям – ужас безграничен.

«Ложись!»... Легли покойникам под стать.
На костыли обрушивались взрывы,
Чтоб ломаные кости доломать,
Чтоб полумёртвые не оказались живы.
А те немногие, что медленно потом
Ещё смогли дойти до полустанка
В летучках бредили и не слышали гром,
И лязг с Востока подоспевших танков

Дверь хлопнула... Сверкнул советский герб
Над кожанкой вошедшего брюнета...
Спросили русского: «Ты немец?», «Нет я серб»...
«Не до тебя, нам некогда, а этот?»
Молчал сосед оборотясь к стене...
«Ты тоже серб, лежи, лежи, дружище!»
«Я русский офицер!», - раздалось в тишине.
«Ага, ты русский... Этаких мы ищем!»

Казалось людям – время не идёт.
Гремели выстрелы, работали приклады.
Пропавших без вести за сорок пятый год
Ни забывать, ни ожидать не надо.

31.10.2009 г.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Здравствуйте, Ольгерд Феликсович!

Прочитал Ваши произведения и дневники, размещённые в Интернете.
Понравилось. Много знакомо по своему опыту армейской службы. И от
этого читать было ещё интереснее. Как будто на машине времени перенёсся в
прошлое...

Вы можете ознакомиться с уголовными делами погибших Ваших
родственников.

Мой дедушка Савенков Григорий Титович был арестован в 1938 г. как
бывший член партии социалистов революционеров и активный участник
революции 1905-1908 г.г. Он в последствии был расстрелян. Он активный
участник двух революций. Был осужден в 1908 г. в Курске по делу
Щигровской крестьянской республики партии социалистов революционеров

(Фото №1). Я в 2005 г. специально ездил в Курск где в гос архивезнакомился с делом 1908 г. (Фото №1) и копировал его. Мой отец родился в селе Алтат Красноярского края куда его отец мой дед был сослан на поселение. После революции дед был активным участником создания Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Я уголовное дело 1938 г. затребовал в 2004 г. из Курского архива ФСБ в Екатеринбург. Мы с сыном в Екатеринбурге в архиве ФСБ ксерокопировали это дело (Фото №2), каждый лист нам архив заверил. А документы приобщенные к делу выдали нам (положено на основании Закона). Теперь в семье хранится удостоверение деда - Членский билет всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных поселенцев с фотографией (Фото №3)...

Савенков Михаил Александрович, Екатеринбург

8.07.2011 г.

Здравствуйтесь, Ольгерд Феликсович!

...По поводу моей родословной. Род крестьян - однодворцев Савенковых мы с сыном проследили по архивным документам до 1625 года (см. фото - в Курском архиве, 2005 г.). Наш предок участвовал от крестьян однодворцев Новосия (один из укрепленных пунктов оборонительной линии на южных рубежах, где несли службу и получали земельные наделы - "дворы" служивые люди) в подписании Соборного уложения 1649 года под №119. А руку приложил, т.е. поставил подпись за него его грамотный товарищ. В семьях было по 15-20 детей.

Савенковы расселились по всей южной линии. Об этом подробно сказано в исторической летописи курского дворянства Танкова А. А. изданного в 1913г. и в различных исследованиях. Я умышленно применяю термин служивые люди, ухожу от исторически принятого названия сословия "боярские дети", предшествующего однодворцам, поскольку известно, что в это сословие в

отдаленной местности были массовые внесения служилых людей за взятки. Петр Первый внес порядок в этот хаос. Установив: не хочешь идти служить государю будь крестьянином-однодворцем. Пойдешь служить - занести в дворянское сословие после установленной выслуги. Этим самым он укрепил государственность: "По заслугам, а не по роду честь...".

История знает и парадоксы, когда крепостной брадобрей становился графом, а крепостной дворцовый истопник, поимев однажды императрицу, получил офицерский чин и

земельный надел с крепостными крестьянами в Российской глубинке.

А то, как стали извращать Петровский указ и записывать в полки с рождения, написано много в исторической и художественной литературе. Интересен в

этом плане и Наказ Курских однодворцев в Уложенную комиссию в 1767 г., подписанный моим предком. Здесь и обиды на то, к примеру, один из братьев записан в дворяне а другой в крестьяне-однодворцы.

Происхождение нашего рода крестьянское, чем и горжусь. Что может быть равным по значимости для государства званию землепашца (крестьянина), только звание ратного (военного) человека, к коим потомственно по отцам и братьям мы с Вами относимся.

Отец мой воевал в финскую войну. Затем освободительный поход а Бессарабию. Великую Отечественную начал младшим лейтенантом, командиром взвода, закончил майором, командиром стрелкового батальона. Все время в пехоте и на передовой. Оборонял Одессу в известном 80 разведбате Чапаевской дивизии...

С уважением Михаил Александрович

18.07.2011 г.

См. вкладыш «Полковник Савенков М.А.»

ПЕРЕПИСКА С ГОВОРУХОЙ (АГАФОНОВОЙ), 63 ГОДА (НА 2015 ГОД), НОВОСИБИРСК, РОССИЯ

Здравствуйте, Ольгерд Феликсович!

Прочитала Вашу статью «Воспоминания Калабиной». Мои предки тоже из станицы Усть –Медведицкой. Я занимаюсь своей родословной три года. Мне было известно только то, что отец моей мамы Аиды Георгиевны Городецкой Городецкий Георгий Устинович родился в этой станице. Остальные факты о нем, его родителях и предках (вплоть до 1780 года) по линии Городецких я узнала по переписке с архивами ГАВО, Киевского и Хмельницкого архивов.

Мой прадед, Городецкий Иустин Александрович, статский советник, преподаватель в Усть-Медведицком духовном училище, родился в Подольской губернии в семье священника. В 1885 году окончил Киевскую духовную академию. Его жена, Лидия Семеновна, (фамилию пока не знаю) была дочерью священника.

У них было девять детей: Татьяна 1892 г.р., Георгий 1894г.р. (мой дед), Ольга 1896 г.р., Анна 1897 г.р., Екатерина 1899 г.р., Аркадий 1904 г.р. и Галя, Таля, Миша, дат рождения которых я не знаю. При крещении Татьяны восприемником был брат прадеда Городецкий Никита Александрович, полковник, начальник пограничной стражи Батумского округа Кутаисской губернии (Из метрической книги за 1892 год).

В рассказе Евгении Калабиной упоминаются тети моей мамы: Татьяна Иустиновна Городецкая (жена Григория Хрипунова), Галина Иустиновна Городецкая и Ольга Иустиновна Городецкая.

Ваша тетя была свидетелем тех страшных событий и , наверное, она знала о судьбе моего прадеда и его близких. Может быть, сохранились фотографии Татьяны Иустиновны Хрипуновой и ее сына Сережи.

Ольгерд Феликсович, если Вам что-нибудь известно о Городецких, напишите мне , пожалуйста.

С уважением, Говорухо Наталья Федоровна.

21.09.2010 г

Здравствуйтесь, Ольгерд Феликсович!

Благодарна Вам за быстрый и добрый ответ. Конечно же я предполагала, что вы разместили всю имеющуюся информацию о Ваших родственниках. Но оставалась надежда, а вдруг: <неи Ведь в наших , как Вы правильно заметили, исторических изысканиях нет мелочей. Незначительная зацепка, если еще подключить интуицию и логику, может привести к важным результатам. Очень увлекательное занятие - искать свои корни: интересуешься историческими событиями, в которых принимали участие люди из твоего рода.> <неи Когда в 1988 году я поднималась по длинной лестнице к памятнику героям шипки, перехватывало дыхание. Но я даже не могла себе представить, что сто лет тому назад поручик Городецкий Никита Александрович, (брат моего прадеда) двадцати шестилетним юнцом участвовал в этой кампании (1877-78 гг.) и получил медаль за храбрость. Вот от этого действительно дух захватывает. Или получаешь документы, датированные 1848 годом:> <неи Вы наверное знаете о краеведческой коллекции ОВД. Я прочитала почти все <Епархиальные ведомости>. Там печатали статьи и очерки моего прадеда. Однажды получилось очень забавно. Я читаю иногда рефераты диссертаций по интересующей меня теме. Прочитав одну из них, я стала просматривать литературные источники, среди которых оказались три работы моего прадеда.> <неи Сейчас работаю с Томским архивом, исследую линию <Мальшед Т.А.,>, это мама моей мамы. Недавно я узнала, что дед моей бабушки -надворный советник Капитон Куртуков. Куртуковы - один из знаменитых сибирских родов. Первые переселенцы в Сибирь упоминаются еще при Петре 1 в 1719 году. До сих пор в кемеровской области есть село Куртуково.> <неи А по папиной линии архивы молчат. Мой дед, Агафонов И.Г., уроженец Амурской области был приговорен спецколлегией Далькрайсуда к высшей мере. Реабилитирован в 90 году. Архивы ссылаются на неполный комплект. Думаю, что дело не в этом.> <неи Ольгерд Феликсович!

Вы спрашиваете, есть ли у меня фотографии. К сожалению, старых фотографий нет, поскольку мамы родители были в разводе. Она жила в семье у тети Тали, младшей из детей прадеда Городецкого И.А. в городе

Татарске Новосибирской области. Однажды я попросила маму написать о своей жизни, но когда она садилась писать, начинала плакать. И мы бросили эту затею. Это тоже одна из причин, которая заставила меня заняться генеалогией. Конечно, я уверена, что дети моего прадеда общались между собой, так как мама кое-что помнила. Например, тетя Галя (о которой упоминала Калабина) жила в Ленинграде, она была замужем за Дукальским В.Н., капитаном первого ранга, сотрудником навигационного гидрографического НИИ МО (в 1963 году). С 1947 по 56 годы он был флагманским штурманом. Эти подробности нашла в интернете. Заканчиваю свое затянувшееся письмо. Вы конечно меня понимаете - хочется этим делиться. Весь если бы Вы не опубликовали свою родословную, наши родословные не столкнулись бы. Обязательно прочитаю все Ваши статьи в интернете. Ольгерд Феликсович! Если я в процессе своих поисков найду что-нибудь о Хрипуновых (ведь был наш общий родственник Сережа Хрипунов), обязательно Вам сообщу. Вы спрашиваете, можно ли разместить мое письмо в статье <Восп. Калабиной>. Конечно, я буду только рада. <неи<неи

С уважением, Говоруха Наталья Федоровна.

25.09.2010 г

Здравствуйте Ольгерд Феликсович! Совершенно случайно зашла на Вашу страничку, когда искала статью "Путешествие в Серафимович". В "Одноклассниках" я недавно, считала, что это пустое времяпрепровождение, однако на сайте я познакомилась с краеведом г. Серафимовича. Мы с ней переписываемся, обмениваемся материалами. Сейчас я знаю, как выглядят дома, в которых жили мои предки Городецкие и Одолламские. Мне сделали фотографии. Стоят дома, как новенькие! Ольгерд Феликсович, моя попытка найти нашего общего родственника Сергея Хрипунова, не увенчалась успехом. Но а в общем, я довольна результатом своих изысканий. Была рада случаю, еще раз встретиться Вас на страницах сети.

С уважением Наталья Федоровна

Уважаемая Наталья Фёдоровна! Спасибо за письмо. Рад, что Вы не прекращаете исторические изыскания. Уверен, главные открытия для нас с Вами впереди. Поздравляю Вас с Крещением Господним и желаю Вам и всем Вашим близким здоровья, любви, благополучия и уюта в доме.

Ольгерд

19.01.2015 г

Ольгерд Феликсович! Спасибо за замечательные пожелания! Хочу тоже пожелать Вам , пусть все самое хорошее будет еще впереди, и все что Вы задумали осуществилось. Здоровья, удачи Вам и Вашей семье !

Наталья

20.01.2015 г

ПЕРЕПИСКА С СКЛЯРОВОЙ (КИРИЛИЧЕВОЙ) ВАЛЕНТИНОЙ, 57 ЛЕТ
(НА 2016 г), СЕРАФИМОВИЧ

Здравствуйте! Я, Кириличева Людмила Алексеевна. Я живу в г. Серафимович Волгоградской области. Моя прабабка была Гордеева Александра Митрофановна, 1876 г рождения, она родом из х. Большого. Любовь Николаевна Куприянова она вам писала о родословной Гордеевых. Мои дети и внуки хотели бы пообщаться, познакомиться и пригласить на родину своих предков. х. Большой в 30 км от г. Серафимовича. В х. Большом сохранился сад Гордеевых. Жители называет его "Фролов" сад. Мы хотели бы от вас получить адрес электронной почты чтобы мы могли сами с ними связаться.

29.04.2016 г

Уважаемая Валентина! Поздравляю Вас с Пасхой и желаю Вам и всем Вашим родным и близким весеннего настроения, бодрости духа и успехов во всём! К сожалению, с Францией я потерял связь с кончиной Володи Гордеева в 2001 году. Все его и его жены Ариадны внуки в то время не знали русский язык и к тому же не проявляли никакого интереса к истории своей семьи, и я очень сомневаюсь, что что-то изменилось в их сознании. Иначе бы давно связались со мной. Очень сожалею, но ничем не могу Вам помочь. Буду рад, если Вы мне сообщите всё, что знаете о родстве Вашей бабушки с Гордеевыми и пришлёте её фото. Удачи Вам.

1.05.2016 г